

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1977

Торжественное открытие обелиска в честь города-героя Москвы.

Ветераны войны и труда.

сл

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 20 (2601)

14 МАЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

Фото А. ГОСТЕВА

Более трех десятилетий отделяет нас от исторического дня победоносного окончания войны. В нынешнем году советские люди торжественно отмечали этот праздник в преддверии 60-летия Великого Октября.

9 мая в столице, на Кутузовском проспекте, состоялось торжественное открытие обелиска, сооруженного в честь присвоения Москве почетного звания «Город-герой».

Тысячи москвичей пришли к подножию обелиска. Здесь присутствуют член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, первый секретарь Московского обкома партии В. И. Конотоп, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Проmysлов, секретари горкома партии, ветераны труда и войны, представители общественности.

Открывая митинг, В. В. Гришин передал поздравление с праздником Победы и добрые пожелания здоровья, успехов в работе участникам митинга, всем москвичам от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

...С обелиска спадает покрывало, взору предстает устремленный ввысь 40-метровый гранитный четырехгранник, увенчанный Золотой звездой. У основания обелиска — три фигуры: солдат, рабочий и работница.

АВА ГЕРОЯМ !

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

3 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро ЦК КПВ, заместителя премьер-министра правительства, министра национальной обороны Социалистиче-

ской Республики Вьетнам Во Нгуен Зиапа.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития дружеских отношений и сотрудничества между Советским Союзом и СРВ, а также по актуальным международным проблемам.

Во Нгуен Зиап от имени Политбюро ЦК КПВ и правительства СРВ выразил горячую признательность ЦК КПСС, правительству СССР за эффективную поддержку, оказываемую вьетнамскому народу в практическом осуществлении заветов президента Хо Ши Мина в создании единого, процветающего социалистического Вьетнама.

Беседа прошла в сердечной, братской атмосфере.

На с н и м к е: во время беседы.
Фото Э. Песова
(ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

В Советском Союзе с 4 по 8 мая 1977 года с официальным дружественным визитом находилась государственная делегация Социалистической Эфиопии во главе с Председателем Временного военного административного совета

(ВВАС) подполковником Менгисту Хайле Мариамом.

Во время визита состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбю-

ро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономи-

ческим связям С. А. Скачковым и эфиопской государственной делегацией во главе с Председателем Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом с участием членов ВВАС Берхану Байе, Аддис Тедла, Легессе Асфая, Менгисту Гемечу, старшего министра в Совете Министров Хайлю Йемену, министра иностранных дел Феллеке Гедле-Гиоргиса и других официальных лиц.

На переговорах, проходивших в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания, были рассмотрены состояние и перспективы дальнейшего развития отношений между двумя странами, положение в Африке и другие международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Руководствуясь стремлением еще более укрепить сотрудничество между двумя странами, стороны подписали следующие документы: Декларацию об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Эфиопией, Протокол об экономическом и техническом сотрудничестве, Соглашение о культурном и научном сотрудничестве и Консульскую конвенцию.

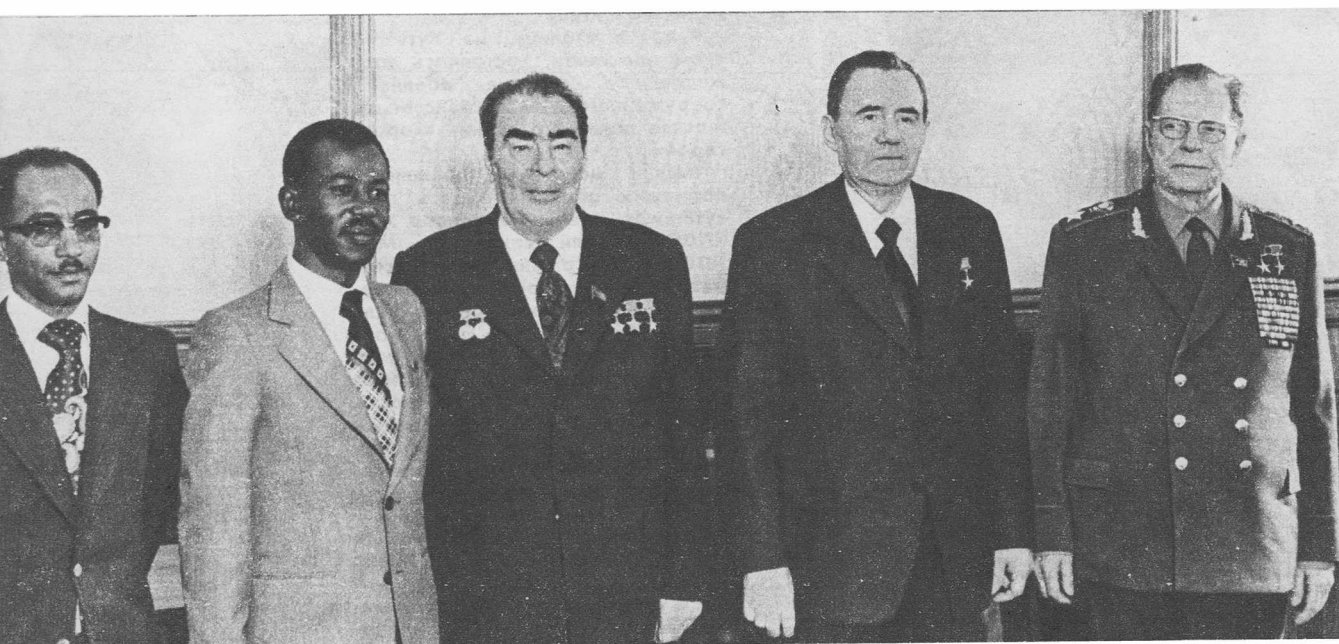
Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 6 мая принял Председателя Временного военного административного совета, Председателя Совета Министров Социалистической Эфиопии подполковника Менгисту Хайле Мариаму.

В беседе приняли участие с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов; с эфиопской стороны — член ВВАС Берхану Байе, член ВВАС Аддис Тедла, член ВВАС Легессе Асфая, член ВВАС Менгисту Гемечу. На беседе был также референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

Л. И. Брежнев сердечно поздравил эфиопское руководство и народ с достижениями в деле переустройства старого, исторически отжившего строя, упрочения своей независимости, создания необходимых предпосылок для построения нового общества. Он пожелал эфиопскому народу дальнейших успехов на избранном им пути.

Встреча прошла в теплой, дружественной обстановке.

Подписание Декларации об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Эфиопией.
Фото А. Гостева.

6 мая. Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

Москва, 9 мая. У могилы Неизвестного солдата.

Фото А. Гостева.

ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН!

Немеркнувшее пламя Вечного огня у Кремлевской стены. На темно-вишневом мраморе алые ленты венков, букеты красных гвоздик и тюльпанов. Золотом отсвечивают слова: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

9 мая, в День праздника Победы, почтить память героев сюда при-

шли член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, первые заместители министра обороны СССР Маршалы Советского Союза Н. В. Огарков и В. Г. Куликов, начальник Главного политического управления Советской Армии и

Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, первый заместитель министра обороны СССР генерал армии С. Л. Соколов, заместители министра обороны СССР, Маршалы Советского Союза и родов войск, генералы и адмиралы. К могиле Неизвестного солдата

возлагается венок из живых цветов. На его алой ленте начертано: «Неизвестному солдату от воинов Вооруженных Сил СССР». Минутой молчания советские военачальники почтили память тех, кто отдал жизнь в борьбе за свободу и независимость Родины.

19 ИЮНЯ — ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

КЛУБ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Заведующего агитпунктом Ивана Андреевича Гришина мы застали в хлопотах.

— Сегодня вечером у нас отчет депутата Совета предыдущего созыва, — говорит Иван Андреевич, — идем готовить зрительный зал. На таких встречах народу всегда бывает много.

...Агитпункт на 1-й Брестской улице Москвы постоянно действующий. Здесь среди населения микрорайона жэка № 7 ведут работу партийная организация Главного архитектурно-планировочного управления города и бюро жэковской партийной организации, возглавляемой старым коммунистом Иваном Михайловичем Ромашовым.

Микрорайон интересный и сложный. Давно обжитой, он сложен потому, что на обширной территории его улиц и переулков живут более четырех тысяч москвичей, представляющих различные профессии и возрасты. Буквально с каждым новым годом микрорайон молодеет: сносятся домишки, отслужившие

свое, вырастает на их месте многоэтажные новые корпусов.

Формально агитпункт работает с пяти вечера, но двери его открыты уже с утра. И все это отлично знают. Завидной энергией обладает руководитель агитколлектива, инженер-электрик, коммунист Тамара Александровна Карталова. Эту свою энергию плюс неистощимость выдумки она полной мерой отдает агитпункту. Тут и традиционные вечера, посвященные славным революционным датам, и детские утренники, и экскурсии жителей микрорайона в исторические места Подмосковья, и лекции людей, побывавших в интересных уголках земли. Все это и многое другое привлекает жителей микрорайона в агитпункт, делает его для них, как тут говорят, своим домом.

Сейчас, в преддверии выборов в местные Советы, в агитпункте горячая пора. Члены агитколлектива идут по домам, уточняют списки избирателей. Хорошо подготовиться — значит организованно провести выборы.

М. Александров

Заместитель руководителя агитколлектива Лариса Михайловна Степенкова, заведующий агитпунктом Иван Андреевич Гришин и руководитель агитколлектива Тамара Александровна Карталова.

Фото М. Савина

САМАЯ ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Михаил МИХАЙЛОВ

Некоторое время назад Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму было вручено письмо министра иностранных дел СССР А. А. Громыко по вопросу о специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной разоружению. Такая сессия должна состояться в будущем году, и, по мнению Советского Союза и многих других государств, она будет иметь большое значение, если станет промежуточным этапом на пути к Всемирной конференции по разоружению, созвать которую предложила наша страна.

Вопросы разоружения вопреки всем препятствиям, чинимым противниками разрядки, самой жизнью поставлены в центр мировой политики. Очередное тому свидетельство — опубликованная на днях штаб-квартирой ООН предварительная повестка дня очередной, XXXII сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая, как всегда, начнется во второй половине сентября. Из 121 вопроса, включенного в предварительную повестку дня сессии, добрую треть составляют различные аспекты проблемы разоружения. Это знание времени!

В. И. Ленин называл разоружение идеалом социализма. Те советские люди, которые бывали в итальянском городе Генуе, непременно осматривали палатко, где в 1922 году состоялась Генуэзская конференция. Более полувека прошло с тех пор, но предложения, которые выдвигала в Генуе по прямому указанию Ленина советская делегация, по-прежнему отвечают чаяниям подавляющего большинства человечества.

Что составляло сердцевину этих предложений? Всеобщее сокращение вооружений, борьба против милитаризма, сокращение армий всех государств как этап к полному разоружению. За эти ленинские идеи Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство борются вот уже на протяжении шести десятилетий.

«Добиваться прекращения растущей, опасной для мира гонки вооружений и перехода к сокращению накопленных запасов оружия, к разоружению» — одна из главных целей советской внешней политики, провозглашенной XXV съездом нашей партии. Только за последние годы Советский Союз внес на рассмотрение соответствующих международных организаций, на рассмотрение других правительств более 70 предложений, нацеленных на разрядку, на обеспечение мира, на разоружение, на улучшение отношений между государствами.

В результате этих миролюбивых инициатив СССР и других социалистических государств, нашедших в определенной мере встречные усилия руководителей тех или иных капиталистических стран, удалось достичь немалых результатов как в деле международной разрядки в целом, так и в вопросах разоружения. Можно считать важным подходом к решению проблемы разоружения соответствующие советско-американские соглашения, в том числе и еще действующее соглашение о стратегических наступательных вооружениях. Для всех очевидно значение советско-американского и советско-французского соглашений, предусматривающих меры против случайного возникновения между этими государствами военных конфликтов. Действуют международный договор о нераспространении ядерного оружия и договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах. (К сожалению, к ним присоединились не все государства, в том числе и владеющие ядерным оружием.) Разработаны и вступили в силу другие соглашения.

Все это так, но все это только начало. Советский Союз предлагает двигаться дальше, не допуская неоправданных задержек. Настала пора полностью запретить все испытания ядерного оружия, включая подземные. Необходимо отказать от разработки новых видов оружия массового уничтожения, которые будут еще более разрушительными, чем имеющиеся ныне. В меморандуме, внесенном в ООН, Советский Союз предложил целую систему мер, реализация которых стала бы крупнейшим вкладом в дело разоружения. С советской стороны неоднократно подчеркивалось, что мы готовы пойти в области разоружения настолько далеко, насколько готовы пойти партнеры СССР по переговорам, касающимся прекращения гонки вооружений.

Но такая готовность стран Запада по меньшей мере сомнительна. В самом деле, американская сторона внесла такие предложения относительно нового советско-американского соглашения о стратегических наступательных вооружениях, которые пересматривают владивостокскую договоренность и предполагают односторонние преимущества Соединенным Штатам в ущерб безопасности Советского Союза. Так же ведут себя страны НАТО на венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Когда же стало ясно, что Советский Союз и другие социалистические страны не удастся склонить к односторонним уступкам, что они не допустят изменения сложившегося соотношения сил и не собираются жертвовать интересами своей безопасности, на Западе подняли дезинформационную шумиху о «советской угрозе». Этот миф был с предельной убедительностью развенчан Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым. На весь мир прозвучали его авторитетные слова: «От имени партии и всего народа я заявляю: наша страна никогда не станет на путь агрессии, никогда не поднимет меч против других народов».

Никто и ничто не в состоянии поколебать принципиальную, ленинскую политику, которую неустанно проводит Советский Союз. В своем послании участникам Всемирной ассамблеи строителей прочного мира в Варшаве товарищ Л. И. Брежнев призвал «добиваться сдерживания и прекращения опасной гонки вооружений». Это задача не только правительств, но и народов, роль которых в решении вопросов войны и мира в наше время велика, как никогда.

их именем...

Воспоминаний о нем, как и его фотографий, сохранилось мало. К началу Октябрьской революции 1917 года Николай Ершов имел звание прапорщика и служил во втором дивизионе запасной артиллерийской бригады, входившей в состав Казанского гарнизона.

Крайне сложно складывалась обстановка в Казанском гарнизоне. Солдаты требовали прекратить кровопролитную антинародную войну, отказывались повиноваться офицерам, безразлично относились к учебным занятиям. С утра до вечера в казармах митинговали. Любимым оратором на митингах стал Николай Ершов. Его горячая преданность революции, страстные взволнованные слова о мире, земле, хлебе находили живой отклик в солдатских сердцах. За короткий срок он завоевал среди фронтовиков, в большинстве своем недавних пахарей, огромное доверие и авторитет. Они избрали его своим полпредом в Совете солдатских депутатов. Энергичного прапорщика и опасного агитатора командование обвинило в «подстрекательстве» нижних чинов, в призыве к покушению на жизнь командира бригады. На военно-полевом суде Ершов без труда опроверг абсурдные обвинения.

Когда в сентябре 1917 года на пятой губернской партконференции было внесено предложение о

КОНКУРС ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА

В 1953 году я поступила в МГУ. Мы, три вологодские девчонки из одного класса, а теперь — студентки филологического факультета, поселились в старом общежитии на Стромынке. В одной комнате с нами стали жить украинка Рая Куриленко, узбечка Франгиза Салимова, киргизка Света Кольбаева, Броня Кербелите из Литвы.

Первого сентября мы не учились: был торжественный митинг на Ленинских горах — открытие нового здания университета, а на следующий день мы пришли в свою группу и узнали, что вместе с нами будут учиться студентки из Болгарии Стефана Димитрова и Богумил Давидков и румын Думитру Балан.

По-русски они говорили довольно хорошо, по крайней мере особая помощь им была не нужна, а вскоре Стефа даже занималась с русскими студентами, пропустившими некоторые занятия по болезни: объясняла им тонкости русской лексики и фразеологии. Она всегда была отличницей, наша Стефа, на экзаменах показывала прямо-таки фундаментальные знания.

У нас была традиция: после экзамена комсорг «берет интервью» у преподавателя. Как сдала группа, какое мнение о ней? Так вот, мне как комсоргу группы всегда приходилось слышать, что ответ Стефаны Димитровой — один из

НИКОЛАЙ ЕРШОВ

создании военной организации большевиков при Казанском комитете РСДРП(б), не было разногласий в выборе председателя. Им стал Николай Евгеньевич Ершов. События развивались стремительно. 15 октября, вопреки запрещению окружного командования, состоялся общегарнизонный митинг.

— По вашему требованию и желанию, — говорил с трибуны Н. Ершов, — мы собрались сюда, чтобы обсудить международное и внутреннее положение и решить, что делать рабочим и солдатам дальше, чтобы закончить войну и организовать свою настоящую власть — власть Советов.

Митинг принял большевистскую резолюцию. При общем одобрении были составлены приветственная телеграмма В. И. Ленину, письма Петроградскому и Московскому Советам.

23 октября, вечером, на заседании Казанского комитета РСДРП(б), когда была получена директива ЦК партии о вооруженном восстании, Ершов докладывал о расстановке классовых сил в городе, о намерении юнкеров и офицеров задавить революцию, о готовности рабочих отрядов и солдат к выступлению.

На этом же заседании для руководства восстанием был создан

Военно-революционный комитет во главе с Н. Ершовым.

В эту тревожную ночь 24 октября он беседовал с солдатами и командирами, уточнял план размещения войск, определял порядок взаимодействия их с отрядами Красной гвардии, шел в первых рядах 95-го полка на захват арсенала, распределял оружие и боеприпасы рабочим дружинам.

Днем 24 октября командование округа бросило карателей на усмирении «бунтующих» солдат. Действуя по намеченному плану, восставшие стали теснить юнкеров от окраин к центру города, беря в кольцо основные опорные пункты противника — Кремль и дворец командующего округом. С Арского поля артиллерия вела по этим объектам интенсивный огонь. Ершов поддерживал тесную связь с наступающими частями, быстро оценивал обстановку, на ходу перегруппировывал силы, уточнял наиболее выгоднейшие направления ударов. Последний опорный пункт контрреволюции — Кремль — пал в ночь на 26 октября, вскоре после того как была получена победная телеграмма из Петрограда.

Новый двадцатипятилетний командующий войсками Казанского округа Николай Ершов писал в одном из своих первых приказов: «...Борьба еще не закончилась. Помните, товарищи, что мы жи-

Казань. Улица Николая Ершова.

вем в великое время. Такой великой революции, такой беспощадной борьбы между угнетенными и угнетателями мир еще не видел, мы должны разбить все старые цепи, мы должны завоевать и мир, и хлеб, и землю».

Недолго пробыл в Казани Н. Е. Ершов — уже в конце ноября в качестве представителя окружного военного съезда он выехал в Омск, прошел с боями всю Сибирь до Дальнего Востока, освобождал от белоказаков Забайкалье, — но оставил в истории города заметный след.

Н. Е. Ершов погиб в результате несчастного случая в 1928 году. До последних дней своей жизни он был ответственным работником ОГПУ.

Арское поле, где когда-то распо-

лагались солдатские казармы его артбригады, сразу после революции стали называть Полем Ершова. Именно отсюда Ершов руководил красногвардейскими отрядами, которые штурмовали последние бастионы контрреволюции в Казани. Сейчас именем его названа оживленная магистраль, соединяющая два крупных промышленных и научных района с центральной частью столицы Татарии.

В одном из скверов стоит памятник руководителю Казанского революкома. Ершов запечатлен таким, каким его запомнили соратники: в простом дубленом полушубке и серой барашковой папаше с красной лентой.

Б. МАРИХИН
Фото Н. Курамшина

ПОДРУЖИЛИСЬ В МОСКВЕ

лучших. Богумил и Митенька (так мы звали Думитру Балана) тоже учились на «отлично».

На вечерах, на субботниках, в турпоходах, на днях рождения членов группы наши иностранцы были всегда с нами. Об этом рассказывает любая из фотографий, которые я вам посылаю. Вот, например, мы строим стадион в Лужниках. Еще совершенно не представляем, каким он будет: кругом какие-то склады, маленькие деревенские домишки... Нам поручили сложить доски в штабеля, и мы это делаем с увлечением, с энтузиазмом. Фотографировал Митя Балан.

Митенька часто снимал нашу группу, летом на досуге печатал сотни фотографий, и все члены группы получали толстые пакеты с фотокарточками и обратным адресом: «Румыния, г. Сучава...»

Конечно, все были очень рады, что наш далекий друг и летом помнит о нас и старается сделать приятное. Осенью мы радостно обнимали друг друга и шли всей группой в комнату Франи Салимовой — лакомиться удивительными узбекскими дынями. Кстати, Франечка наша сейчас сама работает за рубежом — преподает русский язык в Варшавском университете.

Все мы очень любили поэзию, музыку, живопись. За годы учения

не раз побывали во всех художественных музеях столицы, объехали и Подмосковные: Клин, Архангельское, Абрамцево, Куково. Слушали в консерватории лекции по истории русской музыки, в Музее изобразительных искусств — по истории итальянской живописи. Ходили на вечера поэзии в Дом ученых.

А на этой фотографии — часть нашей группы в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. В центре — старейшая преподавательница, любимая наша «латинская бабушка» Софья Николаевна Нюберг. Ее отец, музыкальный критик и педагог Н. Д. Кашкин, был другом П. И. Чайковского, и вы можете себе представить, как любили мы слушать ее рассказы о встречах с Чайковским, Глазуновым, Стасовым. Любили мы и эти занятия в музее, где о каждом экспонате Софья Николаевна рассказывала так увлекательно! Вот одно из таких занятий и запечатлено на фотографии. Шестая слева — Стефа Димитрова, вторая справа — румынка Грета Эскенази (я о ней не сказала вначале, потому что она поступила к нам на второй курс и не доучилась до конца — заболела).

Конечно, наша группа не была замкнутой коллективом. Вместе с нами бегали на лекции, по театрам и музеям наши приятели из

Наша группа на занятии в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

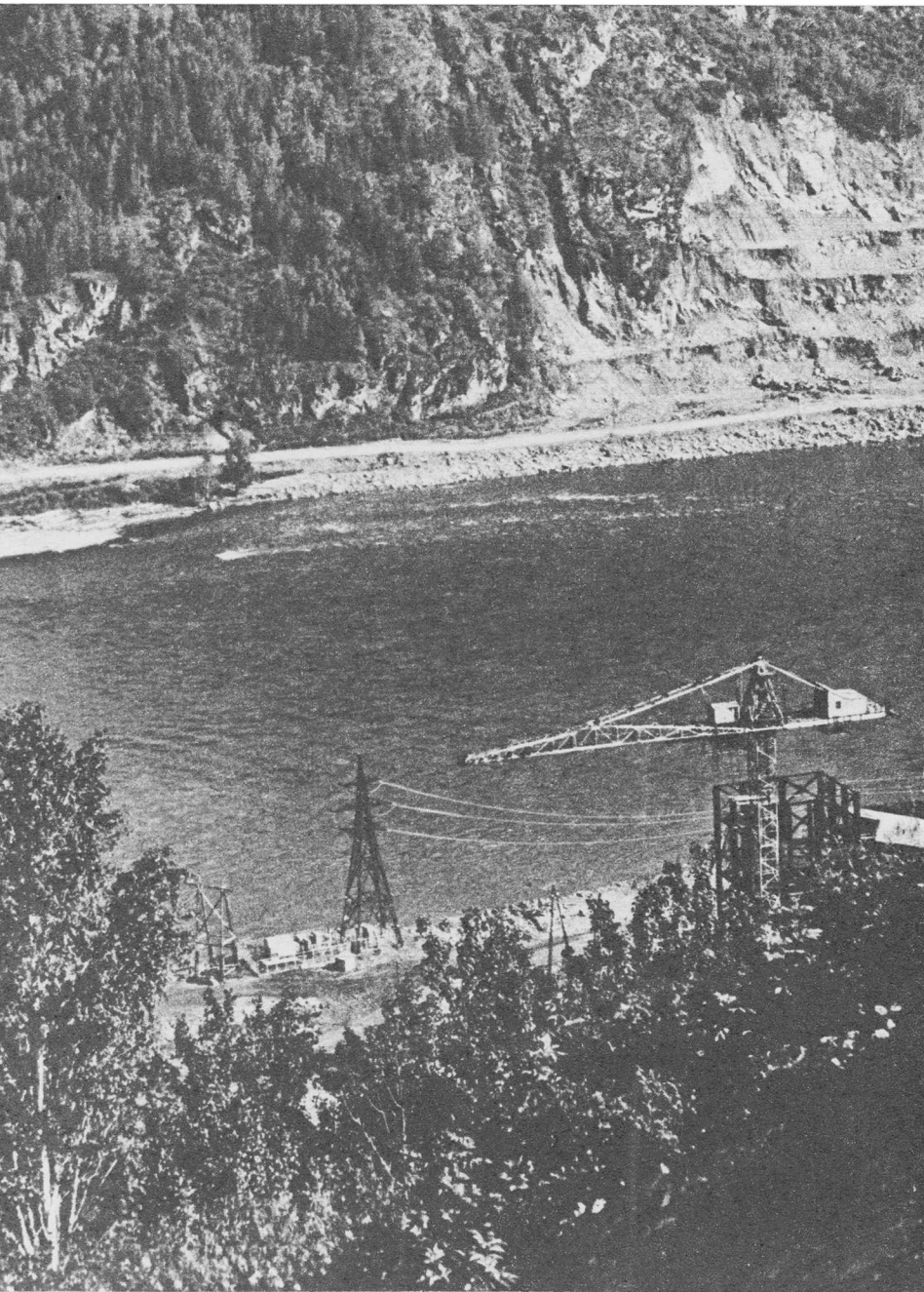
других групп. И на Ленинских горах жили со мной по соседству монгол Орчибат Ромбожавын, кореец Ким Рён Рак, француз Жан Торез, итальянец Бернардино Бернардини, серб Янез Зор, ливанец Спиро Фахури, сириец Джафар Дек Эль Баб, словак Илья Галайда. Отличные ребята. Я не боюсь сказать, что все они увезли к себе на родину не только любовь к русской литературе, но и любовь к нашей стране.

Наш факультет ежегодно 7 мая собирается на Ленинских горах у памятника студентам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Ждем на эти встречи и наших зарубежных друзей.

Сейчас я работаю на кафедре журналистики Воронежского государственного университета имени Ленинского комсомола. У нас учатся ребята и девушки из многих стран мира. Только среди первокурсников, у которых я работаю

куратором группы, есть студенты из Алжира, Бахрейна, Доминиканской Республики, Замбии, Йемена, Иордании, Колумбии, Коста-Рики, Лаоса, Ливана, Маврикия, Монголии, Сирии. Мы стараемся, чтобы им было интересно учиться: устраиваем встречи с местными и столичными журналистами и писателями, часть занятий проводим в редакциях газет. В дни каникул наши иностранцы путешествуют по советским республикам, стремясь как можно больше узнать о жизни народов СССР. Летом некоторые работают в студенческих строительных отрядах. Думаю, что и они вернутся домой после окончания ВГУ хорошими специалистами и большими друзьями Советского Союза.

Т. ЛЕБЕДЕВА,
преподаватель Воронежского государственного университета

ШУШЕНСКОЕ

СБЕРЕЧЬ КРАСОТУ

Вероятно, не все знают, что существует на свете так называемый красный волк. В отличие от обычного, серого он похож и на волка и на красную лисицу, шкура у него рыжеватокрасного цвета, хвост пышный. На земном шаре сохранилось всего лишь несколько мест, в которых он обитает. Западные Саяны — одно из них. Здесь, в таежных и горных лесах на стыке Алтая, Монголии и Юго-Восточной Сибири, можно встретить и других животных, занесенных в международную «Красную книгу» земной фауны, — сибирского козерога, снежного барса (ирбиса). А как богаты рыбой горные реки и речки, впадающие в Енисей и его притоки... Сколько водится здесь птиц! Не менее удивительна и флора этих мест. Много реликтовых деревьев, декоративных растений, целебных трав, особенно таких ценных, как родиола розовая, известная под названием золотого корня...

Словом, природа щедро одарила Саяны. И очень важно сохранить, сберечь людям такую редкостную, величавую красоту в неприкосновенности. Вот почему на правом берегу Енисея, на территории Шушенского и Ермаковского районов, Красноярского края, решено было создать государственный заповедник. Сделано это по инициативе общественности и Института леса и древесины имени В. Н. Сукачева Сибирского отделения Академии наук СССР. Проект заповедника разработан Центральной проектно-исследовательской экспедицией Главхоты РСФСР. Владения его простираются от границы с Тувинской республикой до устья реки Голы, от моря, которое будет образовано Саяно-Шушенской ГЭС, до Саянского хребта. Общая площадь — 389 570 гектаров.

В. ПОПАДЬИН,
директор Саяно-Шушенского
государственного заповедника
Фото А. Гостева

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

НА УЛИЦЕ КОСМОНАВТОВ 2

Если посмотреть с причалов Ванинского порта на южный берег бухты, то можно подумать, что среди кривобоких берегов и островерхих лиственниц плывут белые корабли. Это корпус нового микрорайона на побережье Татарского пролива.

Чуть ниже белопарусных корпусов кораблей проложена «бетонка». По ней в конце года пойдут мощные тягачи с первыми кубометрами «зеленого золота» сихотэ-алиньской тайги. А пока здесь ударная стройка Хабаровского края — Тихоокеанский деревообрабатывающий комбинат.

— С нашего предприятия не выйдет ни один кубометр круглого леса, — говорит директор строящегося комбината В. Л. Ваганов, — только пиломатериалы в аккуратных пакетах да технологическая щепка, на про-

изводство которой пойдут отходы. Сырье будет использоваться почти на девяносто процентов. До половины лесопroduкции пойдет на экспорт.

Сейчас большая армия монтажников, дорожников, каменщиков, электриков трудится на трех главных участках строительства. Готовится к пуску 100-километровая лесовозная трасса, передовой отряд дорожников уже подошел к массивам тайги. В главном сооружении — лесопильном цехе — опробованы уникальные станки. Двести работников комбината уже справили новоселье в квартирах на главной и пока единственной улице — Космонавтов.

В. БЕРЕЗИН
Фото автора

На снимке: здесь будет лесовозная трасса.

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

НОВОСТИ

ИНТЕРВЬЮ

РЕПОРТАЖ

МОСКВА

ПО ЗАКОНАМ БРАТСТВА

Ю. П. МЯГКОВ,
директор Московского
трубного завода,
отвечает на вопросы
корреспондента «Огонька»
Ю. Кривоногова

— У проходной завода вывешено письмо венгерских рабочих с комбината «Красный Чепель». Не могли бы вы, Юрий Петрович, его прокомментировать?

— В письме венгерские товарищи благодарят советских людей в годовщину освобождения своей Родины от фашизма.

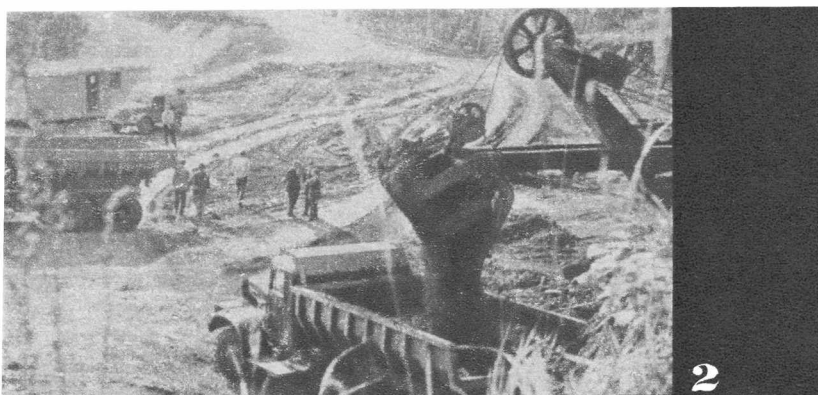
Как известно, чепельцы выступили инициаторами соревнования в честь 60-летия Великого Октября. Их призыв поддержан и в других социалистических странах. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев послал приветствие коллективу комбината, дал высокую оценку новому почину, указав на его глубоко патристический и интернационалистический характер.

У нас с коллективом «Красного Чепеля» тесные связи, и не только общественные, дружеские, но и деловые. Чепельцы поставили нам оборудование для автоматических линий по производству карданных труб для автомобилестрое-

ния. Пуск такой линии значительно поднял производительность труда и качество этих труб. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, ведь кардан автомобиля, особенно грузового, должен выдерживать высокие нагрузки.

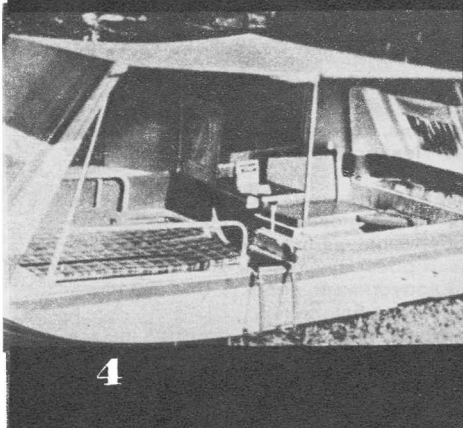
Когда мы освоили венгерские станки, у нас состоялся симпозиум, в котором участвовали специалисты других предприятий, министерств, внешнеэкономических организаций, а также гости с «Чепеля». Они рассказали, что нового им удалось сделать, а мы поделились опытом эксплуатации их оборудования. Разговор этот имел большое практическое значение, потому что подобные линии предстоит пускать и на других предприятиях, и наш опыт тут очень важен.

Показательна оценка солидных фирм Австрии, Швейца-

2

3

4

5

С К О Й

рии, ФРГ. Во время выставки труботехники в Сокольниках они побывали на нашем заводе, посмотрели линию карданных труб, развели руками и заявили: «Нам практически предложить вам нечего».

С «Чепеля» мы уже получили и новое оборудование — волоочильные станы и заковочные машины.

Тесные связи у нас и с торговым представительством Венгерской Народной Республики. Как-то случилась у нас поломка — вышли из строя подшипники. Мы позвонили товарищам в торгпредство и чуть ли не тотчас же выехали в аэропорт «встречать» подшипники. Производство не остановилось даже на день.

Коллектив завода обязался досрочно выполнить план поставок в братские страны социализма.

— Каким автозаводам нашей страны поставляете вы карданные трубы?

— Перечислять их не имеет смысла, проще сказать — всем, кроме ВАЗа. Но это не значит, что мы «обижаем» «Жигули», — они получают от нас трубы двадцати одного размера, и в этом самом массовом автомобиле вы в каждом углу увидите нашу продукцию. Трубы Московского завода можно встретить почти в любой отрасли промышленности, начиная от машиностроения и кончая электроникой, у нас ведь около трех тысяч заказчиков.

Нашей линией карданных труб заинтересовались румынские друзья, они намерены развить их выпуск в Яссах и в Бухаресте. Летом ждем и себе их делегацию. С удовольствием познакоим ее со всеми тонкостями нашего производства.

ХАРЬКОВ

В НЕБЕ — «ВОДОПАДЫ»

3

Перед праздниками сюда один за другим спешат почтальоны. Адрес на многочисленных конвертах таков: «г. Харьков, ЦПК и О имени Горького, пиротехническая мастерская фейерверков. С. Т. Давтяну». В письмах просьба: помогите в устройстве фейерверков. И мастерская помогает...

Сергей Тарасович Давтян, руководитель мастерской, уже пятьдесят лет занимается изготовлением декоративных праздничных цветных огней. Он очень любит свою интересную профессию и поверяет тайны огненного производства молодежи. Вместе с Давтяном работают его сыновья — Володя и Саша. В детстве по вечерам приходили они к отцу на экспериментальную площадку, где испытывались разные фейерверки: «мельницы», «фонтаны», «водопады». Искрящиеся разноцветные огни казались детям сказочными, а когда братья выросли, «волшебная» специальность отца стала и их профессией.

На 1-м Всесоюзном конкурсе пиротехников Сергей Тарасович Давтян и Владимир стали лауреатами. Александр служил в то время в Советской Армии.

Недавно Одесская киностудия пригласила братьев Давтян на съемку фильма «Рождество», действие которого происходит в годы Великой Отечественной войны. Володя и Саша будут имитировать там взрывы снарядов и огненные всполохи.

Многие города страны обеспечивают фейерверками харьковская пиротехническая мастерская — Уфу, Красноярск, Ростов-на-Дону, Ташкент, Минск, Воронеж... Много заявок поступило перед празднованием Дня Победы. Приходят письма с просьбой помочь организовать фейерверки в дни празднования 60-летия Великого Октября.

...В корпусах пиротехнической мастерской выпускаются фигурные изделия, которые во время праздников разольются по небу огнями «водопадов», завертятся огненными лопастями «мельниц», рассыплется красочной мерцающей «мозаикой».

Марат ЦЕБОЕВ

На снимке: С. Т. Давтян с сыновьями Александром и Владимиром.

Фото В. Борисова

ГОРЬКИЙ

ДАЧА НА КОЛЕСАХ

4

И не только на колесах. Может быть и на плаву. Причем это не какая-нибудь неуклюжая баржа, а довольно быстроходное судно: сорок километров в час — такова скорость плавучей дачи. Ну, а скорость на суше ограничивается лишь правилами дорожного движения да мощностью вашего автомобиля.

Автоприцеп — дача — амфибия «Дон» — такова полное название сооружения, которое начинает выпускать Горьковский авиационный завод имени Серго Орджоникидзе. Автоприцеп, весящий около трехсот килограммов, сконструирован так удачно, что за считанные минуты его можно превратить в двухкомнатный домик, стоящий на суше. Еще несколь-

ко минут — и домик станет плавучей дачей. Захотелось порыбачить вдали от берега или прокатиться с ветерком — от носовой части дачи отделяется стремительная, легкая лодка-катамаран. Вздумали промчаться на водных лыжах — тридцатисильный подвесной мотор обеспечит необходимую скорость.

Словом, «Дон» открывает перед любителями путешествий огромные возможности. Куда бы вы ни отправились — в лес, на озеро или речку, всюду будут обеспечены необходимый комфорт, мобильность и, главное, полная независимость от всевозможных сюрпризов погоды.

Б. СОПЕЛЬНЯК

А МЕД-ТО ЗОЛОТОЙ

5

— Мед-то словно слиток золотой.

— Дважды золотой! — поправляет мой собеседник, работник Цейтросоюза. И советует зайти во внешнеторговое объединение «Союзкоопвнешторг». Заместитель председателя объединения В. М. Донцис сказал:

— Золотистым он был всегда. А золотым наш мед стал недавно, на проведенном в Чехословакии Международном продовольственном салоне «Салима». Большой — шестьсот фирм из тридцати шести стран — показ проводился под лозунгом «Продукты мира — урожаем земли и труд человека».

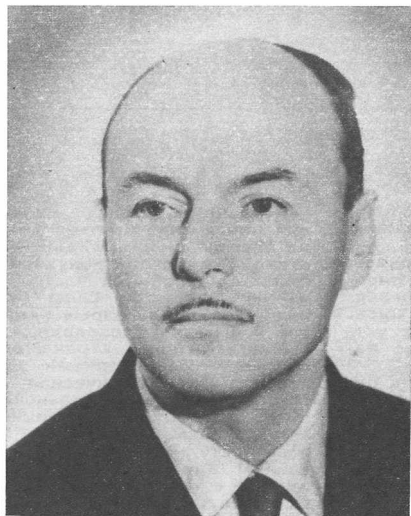
Большие экспозиции представили Чехословакия, ГДР, Югославия, а также многие другие страны. «Союзкоопвнешторг» показывал продукцию потребительской кооперации СССР. На золото претендовали 216 соискателей. Жюри определило: советский мед — лучший! Приз «Золотая Салима» нашему меду присужден впервые. Его сейчас приобретают почти двадцать стран мира. В Япо-

нии спрос на наш мед ежегодно повышается. Генеральный директор кооперативного чехословацкого предприятия «Уникооп» Ян Слаби отметил, что мед, поставляемый потребительской кооперацией Советского Союза, имеет «отличный вкус и неповторимый аромат». Югославские коллеги из предприятия «Югославия коммерце» недавно прислали телеграмму: «Особенно хотелось бы отметить качество меда, отгуженного Безменским и Кокандским кооперативными заводами». Добрая характеристика меду дана и главным экспертом по товарам пищевой промышленности и сельского хозяйства на «Салиме-77» доктором Любомиром Кроутилом: «Русский мед издавна славится. Это прекрасный натуральный продукт».

«Золотая Салима» — еще одно тому подтверждение.

К. БАРЫКИН

На снимке: «Золотая Салима» — приз нашему меду. Фото И. Тункеля

ДЕМЕНТИЙ ШМАРИНОВ

Дементий Алексеевич Шмаринов давно занимает прочное место среди крупнейших советских графиков.

Перечень его работ велик и разнообразен. Он писал картины и декоративные панно, экспонировавшиеся на советских и международных выставках, он рисовал политические плакаты, которые в годы Великой Отечественной войны знали и на фронте и в тылу, он создавал графические циклы, серии публицистических рисунков.

И в каждый жанр, которым занимался Шмаринов, он непременно вносил свое оригинальное видение, свою художественную манеру, свой творческий темперамент.

Но самым главным призванием Шмаринова всегда была книжная графика.

Его творчество в этой области представляет собой важный этап в развитии русского графического искусства.

Художественная иллюстрация, утверждающая гуманистические идеалы социалистического реализма, достигла в нашей стране подлинного расцвета. Успехи советской книжной графики общепризнаны и за рубежом.

Искусство советской иллюстрации, обязанное своим подъемом таким мастерам, как Кустодиев, Лансере, Лебедев, Фаворский, Кукрыниксы, Кибрик, на своем пути претерпевало различные влияния — попытки ограничить его, превратить в нейтральное приложение к тексту, использовать иллюстрацию лишь как декоративный элемент...

Шмаринов вспоминает:

— Путь нашей советской иллюстрации не был гладок. На моей памяти в 20—30-х годах происходила борьба между художниками, рассматривающими книгу как результат чистого инженерно-технического процесса, как предмет, создаваемый только по законам промышленного производства, и художниками, отстаивающими образно-эстетические задачи искусства книги.

И сейчас не редки утверждения, что образная иллюстрация — ненужный пережиток прошлого века, что такая иллюстрация мешает свободному восприятию читателя...

— Я расцениваю, — говорит Шмаринов, — подобные утверждения об «устарелости», «ненужности», необязательности реалистической иллюстрации как попытку отказа от искусства книги, как попытку отнять у художника одно из самых сильнейших средств постижения и верной оценки жизненной правды, которая заключается в классическом или современном литературном произведении.

Мы и сейчас встречаем примеры того, как художник, будучи не в силах справиться с полной образной нагрузкой книги, останавливается на ее пороге, ограничиваясь ни к чему не обязывающим графическим сопровождением. Но иногда эта вынужденная скромность или бедность воображения, недостаток смелости или отсутствие подлинной содержательности маскируются претенциозной развязностью, глубокомысленной зашифрованностью.

Все это делается якобы для того, чтобы не поставить себя во второстепенное положение рядом с писателем. Шмаринову эта опасность отнюдь не угрожает. Это художник глубокой культуры, с острой способностью к исследованию, с развитым чувством фантазии и большим опытом жизненных наблюдений. Он создал огромный мир зримых образов литературных героев, которые были рождены воображением великих писателей.

Литературные герои всегда ждут своего портретиста.

Любимые нами образы — герои Льва Толстого и Достоевского, Пушкина и Шекспира, Гоголя и Лермонтова, Алексея Толстого и Горького — живут в книгах, иллюстрированных Шмариновым, и мы безошибочно узнаем в рисунках памятных героев. Нам кажется, что именно такими мы и видели в своем воображении действующих лиц.

Как же добивается художник совпадения наших представлений с образами, созданными его рукой? Как же становится он каждый раз заново верным спутником великих мастеров слова?

Для того, чтобы рисунку совпал с нашим представлением, показавшись живой картиной остановленного на мгновение сюжета, необходима верность жизненной правде.

Ничто так не радует в соприкосновении с искусством, как ощущение этой правды, и ничто так не огорчает, как отсутствие ее. Она воспринимается нами естественно и потому легко. Но для того, чтобы

она возникла, художник должен быть и историком, и литературоведом, и психологом. Он должен видеть эпоху и знать гораздо больше ее подробности, чем изображает в рисунке.

В мастерской Шмаринова особое место занимают альбомы, блокноты и папки с подготовительным рабочим материалом, в которых нет рисунков. Эти блокноты и папки скорее напоминают рабочие тетради писателя или ученого. В них можно увидеть самые разнообразные записи: выдержки из документов того времени, газет, литературных произведений. Эти папки и блокноты представляют собой начало пути к достоверности. Путь этот не короток.

Затем начинается следующий этап работы. Появляются листы и альбомы, где художник уже в рисунках осваивает детали литературного материала, детали времени. Вот пушка, а вот пуговица, вот бокал, а вот кивер, вот стремя, а вот перстень, вот ментик, а вот кринолин. Детали одежды, быта, архитектуры...

Проникновение в литературное произведение становится все глубже.

Наброски, рисунки: итальянские города, ковыльная украинская степь, уголки Нижнего Новгорода, дом на Поварской в Москве, петербургские дворы, деревенские пейзажи...

Италия — это для Ромео и Джульетты. Ковыльная степь — для Тараса Бульбы, Нижний Новгород — для Артамоновых, особняк на Поварской — для Наташи Ростовской, петербургские дворцы, мосты, набережные, дворы, черные лестницы — для героев Пушкина и Достоевского...

Шмаринов считает, что самый недопустимый недостаток иллюстратора — это приблизительность и бедность наблюдений.

Жизнь богаче воображения художника, и она может ответить на все вопросы того, кто к ней внимателен.

— Поиски места действия, поиски живых людей, могущих послужить материалом для образов литературных героев, очень важный этап работы иллюстратора, — рассказывает Дементий Алексеевич. — Однако прототипы и обстановку можно найти и зарисовать, но это еще не будет иллюстрацией. Создание произведения искусства значительно сложнее. Иногда, как подарку, бываешь рад, когда природа дает что-то почти в готовом виде, но творческие преобразования всегда нужны, иначе будут «торчать углы», разрывающие ткань художественного образа.

Без умения рисовать от себя трудно быть художником-иллюстратором. Воображение, опирающееся на изучение, — вот твердая база для работы художника.

Об этом свидетельствует весь творческий опыт Шмаринова.

Художник всегда выбирал книги для иллюстрирования сам, исходя из своих творческих планов, понимая социальный заказ как назревшую потребность времени.

Он обратился к роману Алексея Толстого «Петр I» не случайно: его заинтересовал переломный момент в истории России, стремительная пора созидания, беспощадная ломка старого уклада, неумный нрав царя-мастерового. Свойственная Шмаринову тщательность в изучении эпохи, проникновение в историю страны помогли художнику создать в иллюстрациях целую галерею исторически достоверных портретов. Стержнем всех иллюстраций стал образ Петра.

Эти рисунки, сделанные углем, — резки, темпераментны и динамичны. Отстаивая свое право на такую манеру, он справедливо говорил: «Энергия выражения способствует передаче энергии движения. Я стремился к широкому видению, стремился увидеть целое. Характер серии динамичный, как динамичен Петр и его эпоха».

К мысли об иллюстрировании «Войны и мира» Льва Толстого Шмаринов пришел в дни Великой Отечественной войны.

Величайшее событие в жизни народа, потребовавшее неслыханного напряжения всех сил — духовных, физических, материальных, — как бы заново воскресило великую книгу Толстого и подчеркнуло, что дух народа неодолим и способен противостоять любому врагу. Шмаринов рисовал героев Толстого со своих современников. Но одновременно он внимательно изучал в литературных архивах портреты людей, ставших прототипами героев Толстого. Он накладывал современность на историю, стремясь подчеркнуть, что подвиг — это всегда прежде всего твердость и воля народа.

Д. Шмаинов. Род. 1907. Иллюстрация к роману А. Н. Толстого «Петр I». ПЕТР НА ЗАКЛАДКЕ ПЕТЕРБУРГА. 1940.

Государственная Третьяковская галерея.

Д. Шмаринов. МАЛЬЧИКИ С ЖЕРЕБЕНКОМ. 1928.

Шмаринов работал над иллюстрациями к «Войне и миру» семь лет. Когда серия была готова, она оказалась не только важным этапом в творчестве самого художника, но и крупнейшим достижением в истории русской графики. Так же, как в 1936 году стала значительным явлением в советском искусстве появившаяся на художественной выставке серия иллюстраций Шмаринова к «Преступлению и наказанию» Достоевского.

Эта книга великого писателя привлекала к себе многих иллюстраторов и у нас и за границей. Жестокий, беспощадный анализ Достоевского вызывал у художников самые разнообразные толкования его героев, вплоть до мистического.

Листы Шмаринова представляли собой принципиально новое в истории иллюстрации решение характеров. Они были прежде всего реалистичны. Шмаринов в своих иллюстрациях пошел за Достоевским, освещаемый светом его мысли, стремясь постичь пути размышлений писателя.

— Ощущение действительности событий,— рассказывает Дементий Алексеевич,— может довести почти до галлюцинаций. Во время работы над «Преступлением и наказанием» я бродил по дворам, улицам и набережным Ленинграда в районе Сенной площади, с такой поразительной силой и точностью описанным Достоевским. Рисуя дверь с ободранной клеенкой старухи процентщицы, я чувствовал себя участником событий романа, и, когда дверь вдруг открылась, я убежал вниз в состоянии, близком к состоянию Раскольникова.

Больше двухсот зарисовок лишь архитектурных сооружений сделал художник, готовясь к этому циклу иллюстраций.

Его рисунки к Достоевскому проникнуты не только ощущением литературы, но и реальной глубокой достоверностью. Они обострены собственным сопереживанием художника и поэтому так великолепно отразили дух времени, передали в портретных характеристиках сложнейшие состояния героев, оттенки драматического действия и трагическую фабулу романа. Это была новая ступень в понимании задач иллюстратора и его отношения к книге как к целостному произведению, объединявшему литературу, графику, полиграфию.

И сам Шмаринов с той поры обрел новое видение книги в целом.

Сохранились пожелтевшие страницы макета «Преступления и наказания», сделанного художником в 1936 году. Здесь все продумано — композиция титульного листа, шмуцтитолов, спусковых полос, расположение рисунков, их ритм и соотношение с текстом. Это работа не просто иллюстратора, но в полном смысле слова прекрасного художника книги.

И во всех последующих работах Шмаринов занимается не только иллюстрациями, но и переплетом, и фронтисписом, и титулом, и заставками, вводя читателя в стилистику книги, как говорится, с порога.

Сорок лет назад Шмаринов иллюстрировал «Повести Белкина». Эта первая встреча художника с Пушкиным стала еще одним проникновением в историю русской культуры. Прозрачная глубина пушкинской прозы, чистота и ясность образов увлекли художника на поиски новых, может быть, даже неожиданных в то время для него самого художественных форм.

Изыскство романтических, чуть ироничных «Повестей Белкина» очень хорошо прочитано Шмариновым.

Например, в пасторальной сцене «Барышни-крестьянки» художник, не оставляя реалистической задачи, словно шутит карандашом и, нанося легкие штрихи-завитушки, добивается в рисунке веселой непринужденности.

Пушкинская тема сопровождает художника всю творческую жизнь. В разные годы возвращаясь к прозе Пушкина, Шмаринов находит новые пластические, смысловые, философские решения. Его рисунки становятся глубже, пронизательнее. Легкие, прозрачные «Повести Белкина», романтический, благородный «Дубровский», широкий эпический роман о капитанской дочке, философская «Гликовая дама», иллюстрированные Шмариновым, будут объединены в особом четырехтомном издании, выходящем в издательстве «Детская литература».

Каждая книга этого издания содержит не только иллюстрации Шмаринова — художник создал переплет, титульные листы, шрифт, виньетки, заставки, своеобразные графические эпиграфы. Он вводит читателя в стилистику времени, в атмосферу взаимоотношений героев и с великолепным ощущением достоверности показывает в пластике изобразительного, книжного искусства сам дух пушкинской прозы.

Готовя это издание, Шмаринов вернулся к рисункам, сделанным много лет назад. И в этом возвращении к пройденному проявился характер художника. Те иллюстрации, которые показались ему неточными или недостаточно глубокими, подверглись новому рассмотрению. И о них можно сказать, что они не переделаны, а переосмыслены.

Например, возвращение его к портретной характеристике станционного смотрителя открывает перед нами глубину пушкинского образа, имевшего огромное влияние на русскую литературу. Маленький человек, впервые созданный Пушкиным, найдет впоследствии свое воплощение у Гоголя, Островского, Достоевского, Чехова...

И если молодой Шмаринов ранее изобразил этого героя ничтожным и жалким человечком, то в своей последующей работе он показывает пушкинского героя личностью, трагически раздавленной социальными обстоятельствами.

Мудрость, приходящая с годами, не позволяет успокаиваться мастеру. И Шмаринов, возвращаясь к ранее созданному, оценивает его со всей строгостью накопленного опыта и знаний и со всей беспощадностью высокого художественного вкуса. Даже такие неоспоримые, признанные достижения его, как иллюстрации к «Войне и миру», были рассмотрены им заново, и для некоторых из них он нашел новое, еще более приближающееся к Толстому решение.

Настоящий мастер едва ли страдает уверенностью в том, что он достиг полного мастерства. Мы смотрим на его листы, находим открытия и радуемся, что перед нами законченное произведение. Но сам мастер смотрит на свое творение иными глазами.

Д. Шмаринов. Иллюстрации к роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Как говорил Ромен Роллан, ничто не исчезает для того, кто остается самим собой.

Оставаться самим собой не так просто. Для этого прежде всего нельзя быть неизменным. Художник проживает в своем творчестве не одну жизнь.

Можно это называть творческим поиском, можно — неудовлетворенностью достигнутым. Но прежде всего это способность размышлять и трезво себя оценивать. Это дано не каждому. Однако именно в этом и заключается творческий процесс.

Народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Академии искусств ГДР Дементий Алексеевич Шмаринов никогда не бывал неизменным и поэтому всегда остается самим собой.

Ш

4

ел очередной призыв, и меня привлекли разносить повестки. Лейтенант по всем правилам оформил справку, я вручил ее начальнику цеха и стал каждое утро приходить в военкомат.

Призыв был большой, и, кроме меня, еще пятеро допризывников разносили повестки. В городе общественного транспорта не было, и я за день так выматывался, что по вечерам валялся трупом и сразу засыпал.

Как-то утром, придя в военкомат, я застал лейтенанта странным и подавленным. Шрам нервно косил лицо. Вокруг глаз коричневые круги, веки тяжелые, набрякшие.

Откашлявшись, Марков взглянул на меня. В темных глазах метнулось какое-то беспокойство. Словно он что-то хотел сказать мне и не решался. Окно комнаты было открыто. На старом тополе под окнами надсадно каркала ворона. Он скривился, точно от зубной боли:

— Проклятая... Будь добр, прогони. Всю душу вывернула!

Я посоветовал:

— А вы из пистолета трахните!

— Сходи,— снова попросил он, не принимая шутки.

Я выскочил во двор, набрал камней и прогнал ворону, сидевшую на самой верхушке дерева. Возвратился в комнату.

Марков поблагодарил меня, а в глазах снова мелькнуло беспокойство, будто он никак не решится что-то сказать мне, и лишь бы оттянуть время— я это остро почувствовал— начал говорить о другом:

— Ворона всегда напоминает мне ранение на фронте.— Марков задумался и свел брови. Но его лицо по-прежнему было каким-то смятенным.— Под Смоленском крепко стояла наша дивизия. Армией сам Рокоссовский командовал. Но обошел все-таки нас немец, и пришлось нам с боями вырываться из окружения. Вот тогда меня и ранило первый раз. Очнулся— вижу, на груди сидит ворона, я через силу согнал ее, снова потерял сознание. Очнулся, а она, проклятая, снова на груди! Так и воевал с ней до темноты, пока меня санитары не подобрали. А теперь, как услышу крик вороны, не по себе становится...

Окончание. См. «Огонек» № 19.

Лейтенант замолчал, отодвинул ящик стола, достал какие-то узкие бланки, снова беспокойно и с непонятной жалостью взглянул на меня и глухо сказал:

— Вот извещения о смерти. Разнесешь по адресам!

Я сначала не понял, взял бланки, а когда дошло, ужаснулся и, заикаясь, переспросил:

— По-по-похоронки?!

У Маркова дернулась щека. Глаза сузились, стали похожи на щелки, прорезанные осокой.

— Да, похоронки! На войне, куда ты так рвешься, к твоему сведению, убивают!— Он скрипнул зубами.— И часто убивают. Ладно, иди, Миша, не трави душу...

Похоронных извещений было около десяти. Торопясь, я начал бегло читать, внутренне замирая от страха, что встречу фамилию отца. Марков смотрел на меня с сочувствием и, поняв мой страх, успокоил:

— На твоего отца нет... Иди. Завтра получишь повестку на призыв в пехотное военное училище!

— Я не хочу в училище, не хочу! Отправляйте в действующую!

Он спокойно посмотрел на меня и покачал головой:

— Не бойся, и на тебя войны хватит! И года не пройдет— на фронте окажешься. Ваш директор снова добился отсрочки молодым... Ничего не сделаешь— завод оборонный, и он прав! А набор— в училище... Здесь он не хозяин. Иди!..

5

Первую похоронку я принес Савельевым. Очень долго простоял у калитки, не решаясь зайти в дом.

Посреди двора, вытягивая шею, разгребал ногами землю петух. Вокруг него копошились куры. На крыльце, в лучах солнца, сладко потягивалась рыжая кошка. В кустах желтой акации шумели воробьи... Через двор, сверкая босыми ногами по траве-мураве, пробежала девочка лет семи. Куры сыпанули во все стороны, петух грозно кокнул, поднял голову и боком посмотрел на девочку злым красным глазом.

Меня просто оглушила обыденность двора: мирное кудахтанье кур, лежащая на крыльце кошка, спокойное небо и сетчатая ленивая тень под кустами. Все это не вязалось со страшной бумагой, которую я держал в руках! Я невольно сделал шаг назад, уже собираясь броситься прочь, прибежать к лейтенанту и отказать от развоза похоронки, но все же пересилил себя и открыл калитку...

В доме оказалась одна старуха. Она поджала сухие, сморщенные губы, строго посмотрела на меня и пропустила в прихожую. Я подал старухе извещение и с трудом сказал:

— Бумага вам...

— Я, грешная, грамоте неразумная. А Нюра на работе, милоч. Придет поздно вечером. На заводе работает.

Это немного успокоило меня, и я торопливо проговорил старухе, стараясь поскорее избавиться от бланка, который жег руки:

— Мне, бабуля, некогда. Я оставлю бумагу, а ваша дочь возвратится с работы и прочтает! Вот здесь поставьте крестик в получении...

— Не дочь она, а невестка. Жена мово сына,— строго поправила старуха...

Потом все было, как в тяжелом, кошмарном сне. Хочешь проснуться, а не можешь... И плач, и слезы, и проклятия, и обмороки. Во мне все застыло, и пределом испытания стало вручение похоронки Александру Васильевне Замятиной на ее сына Сергея.

Сергей ушел в армию год назад. До фронта работал слесарем в механических мастерских, слыл заводилой среди ребят, хорошо играл на гармошке. Александра Васильевна работала на нашем заводе формовщицей в литейном цехе. После ночной смены она оказалась дома и встретила меня в прихожей.

У меня, видимо, был такой растерянный и подавленный вид, что она сразу догадалась о несчастье, ахнула и прижала руки к груди. Лицо ее застыло, а глаза смотрели с таким ужасом, что мне стало страшно. Зрачки побелели, точно за один миг выжались от страшного предчувствия, а я никак не мог вытаскать похоронку и не в силах был отвести взгляда от ее глаз...

— Нет-нет... не-ет, нет,— прошептала она синеватыми губами, отшатываясь от меня, как от чумного. Слова замирали на языке.— Сереженька не может погибнуть, не может! Правда, не может?— спросила она с такой надеждой, что у меня все внутри оборвалось и я чуть не закричал от отчаяния.— Ведь он у меня, Миша, единственный!

Замятина опустила на табуретку— ее не держали ноги. Порывистым жестом отодвинула от себя похоронку, отдернула руку, точно обожглась бумажкой, вдруг жалко улыбнулась и с убеждением проговорила мне:

— Пойми, Мишенька, он же у меня один... Где тогда справедливость, где?— выкрикнула она с тоской и мукой.— Нет-нет!.. Нет! Уходи! Я не верю, не верю!

Еще раз посмотрела на похоронную и, протяжно вскрикнув, обхватила голову руками, затонала и заголосила жалобно и протяжно, захлебываясь слезами...

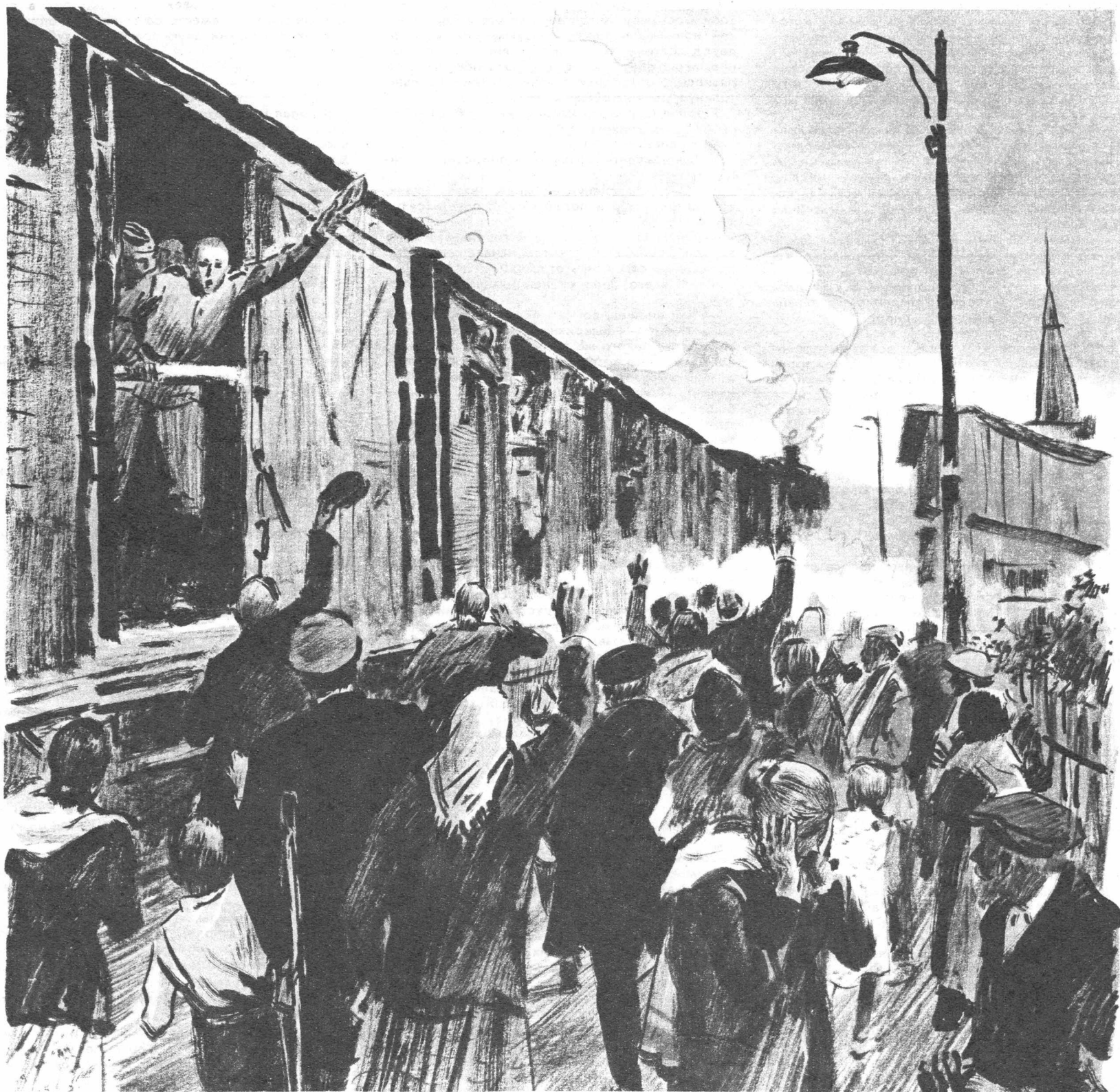
Я выскочил от Замятиных и напрямик, через огород, топча грядки огурцов и помидоров, бросился в степь, которая начиналась сразу за домом... Как мне хотелось потерять сознание или провалиться куда-нибудь, лишь бы ничего в это мгновение не чувствовать и не слышать, чтобы не видеть ни эту пыльную степь, ни эти высокие облака вполнеба...

Я запутался в сухой траве и, обессиленный, упал на горячую, прогретую солнцем землю, заплакав горькими, облегчающими слезами. Я никогда так не плакал. Меня била нервная дрожь, я не мог остановить слез.

Выплакавшись, я долго и опустошенно лежал на спине и смотрел в небо. Где-то рядом, в зарослях травы, пересвистывались суслики, высоко-высоко, у самой кромки облака, парил коршун-степняк, выслеживая добычу. Меня душила ненависть к фашистам. Я словно повзрослел за этот тяжелый день на добрые десять лет. Мне сейчас хотелось только одного: быстрее попасть на фронт.

Через степь, метрах в ста, направляясь в город, трусил на низкорослой лошадке-монголке казах в малахее. За ним быстрым качающимся шагом друг за другом шли два верблюда, высокомерно задрав горбоносые головы с выпуклыми круглыми глазами. Между горбов сидели на тюках казашки. Ковыль под ударами ветра ходил легкими волнами, меняя окра-

ГОРЬКИЙ, ГОРЬК ЗАПАХ ПОЛ

ИЙ ЫНИ

ску — от темно-зеленой до серебристой, и эти колебания создавали впечатление, что степь — живое огромное существо и что она дышит, распространяя вокруг острый запах полыни...

Полынь, горечь-трава. Запах моего детства. Все близкое и далекое связано с запахом полынь-травы. Материнские руки всегда пахли полыню, летнее молоко было полынно-горьким, полынь разбрасывали в доме на полу, чтобы не жгли блохи, из полыни делали лечебные настои. В третьем классе я заболел малярией, и мама во время приступов насильно поила меня полынным отваром. Я тогда задался целью — вырасти большим, выучиться и извести по всей степи горечь-траву, мечтая сделать добро людям... А сейчас запах полыни воскрешает дни моего трудного детства и первую чистую любовь...

Я вытащил оставшиеся похоронные извещения. Их еще было пять, и меня снова охватил ужас. Мне предстояло еще несколько раз прикоснуться обнаженной душой к людскому отчаянию! Перебирая их, я натолкнулся на фамилию Федора Санина...

С тех пор прошло больше тридцати лет, а я до сего времени не могу понять, почему еще в военкомате не заметил фамилию Федора? Может, оттого, что тогда я очень страшился увидеть фамилию отца?

Я держал похоронки перед глазами, и у меня не укладывалось в голове, что Федор, которого так любит Оля, уже мертв. Как она перенесет такое известие? А что станет с матерью Санина? Ведь она теряет второго сына...

Вечерело, а я все сидел и бессмысленно рассматривал похоронки. Простой бланк, отпечатанный на плохонькой серой бумаге с черной косой полосой...

Впервые в жизни я вдруг реально представил, что есть смерть. Раньше она была для меня каким-то отвлеченным понятием, а сейчас вот она: осязаемая, затаившаяся в простой бумажке, способная в любую минуту нанести беспощадный удар... Теперь ни Сережа, ни Федор, ни Игнатов Николай больше не видят этого высокого неба в тонких перистых облаках, не слышат сухого шепота травы, не ощущают запаха полыни... Они даже не могут вспомнить то, что видели и ощущали, они мертвы и ушли

во что-то таинственное, оставаясь лишь в памяти близких и родных, оставаясь в делах, которые должны были совершить и не совершили, в своих мыслях, которые они недодумали... Да и что можно оставить после себя в восемнадцать-девятнадцать лет? Только чистоту чувств и замыслов, только щемящую память о себе среди близких и родных...

Что мне делать? Могу ли я выполнить до конца горький долг «черного вестуна»? Может, что-нибудь придумать? А что придумаешь? А что если... Нашим соседям в первые месяцы войны пришла похоронка, а через полгода хозяин прислал письмо с фронта. Он и сейчас жив, воюет!

...Думал я об этом с болью, сам себя успокаивая в необходимости лжи, успокаивая смутной надеждой: а вдруг эти похоронки ошибочные? Все вокруг меня стало каким-то враждебным: и степь и небо, утомленное дневным зноем — выгоревшее, громадное.

И, несмотря на сомнение, кусая губы от ярости и презрения к себе и всему окружающему, обламывая ногти, оглядываясь по сторонам, точно меня сейчас кто-нибудь захватит на месте преступления, я вырыл яму, бросил в нее похоронные извещения и засыпал песком.

6

Домой я пришел поздно. Все уже спали, и я, никого не беспокоя, забрался на сеновал. Ночь выдалась жаркой и душной. Я открыл окно чердака и смотрел в проем на небо. Устал страшно, но мне не спалось...

На западе еще не рассосалась полоса мутно-красного заката, а с востока, охватывая угольно-черной подковой все небо, поднимались мрачные тучи. В тучах часто вспыхивали зарницы. В окно чердака бил душный ветер, шелестел по тесовой крыше, заплетал соломой, шумел беспокойно в кустах под сараем.

Падали с неба быстрые молнии, отпечатывали на чердачном настиле ярко-голубой косяк квадрат оконного проема, а перед моими глазами стояло лицо Оли, и ее глаза были такими же безумными, как у Замятиной... Полыхало огнем небо. Как я завтра встречусь с Олей, как? Ведь она сразу по лицу моему догадается о Федоре, начнет расспрашивать, а я не смогу обмануть второй раз! Что делать?..

Ярился гром, перекашивался по тучам; пылало небо, но дождь проходил где-то стороной.

Утром тетя подозрительно посмотрела на меня — видимо, до нее тоже дошли слухи, что я разносил похоронки, — спросила с тревогой: — Уж не заболел ли? Миша, а зачем ты...

Но она тут же поджала губы и с жалостью посмотрела в глаза.

— Да нет, не заболел... Послезавтра ухожу в армию.

Она ахнула, спросила:

— В армию? А почему тебя берут? На заводе-то, говорят, есть бронь.

— Бронь только на литейщиков, — ответил я. Не хотел всего рассказывать, да и зачем?

— Миша, а мама знает?

— Я передал через шофера... Должна завтра приехать.

— Может, мама поговорит с директором, и тебя переведут в литейщики, а?

— Ну и выдумали, тетя! Зачем это? Я же комсомолец!

Она разозлилась:

— Умники все какие стали! Зачем? А о матери ты подумал? А подумал о том, что ты в нашем доме один мужчина остался?! Отец твой воюет, мой муж воюет, разве мало от нас, а?

— Да перестаньте... Ничего уже не сделаешь.

Она вздохнула, смахнула слезу, тихо спросила:

— Что же тебе собрать, солдат?

— Пару белья, кружку, ложку и на два-три дня продуктов...

Тетя забеспокоилась:

— С продуктами-то как? Ну ладно, сейчас на базар сбегаю, что-нибудь выменяю. Петушка прирежу!

Я успокоил ее:

— Не нужно. Заводской магазин все по карточкам за пять дней вперед выдаст. Так положено...

Рано утром, до посетителей, я пришел к Маркову. Состояние после пережитого и беспокойной ночи было отвратительным. Мучил стыд перед лейтенантом за невыполненное поручение, жила обида на него, что он поручил мне разносить похоронки и тем самым невольно толкнул меня на обман...

Я подал ему книгу извещений, он бегом посмотрел ее, сунул в стол, ммуро проговорил:

— Садись...

— Выписывайте повестку, — попросил я, заикаясь.

Он быстро взглянул на меня, взял бланк, вписал фамилию и подал мне. Я опустил на стул:

— Она... Она не верила в гибель сына. Не верила, понимаете? А потом начала смеяться... Если бы вы слышали этот смех!

Меня всего било от непонятного озлобления.

— Как видишь, война... вой-на... Это каждый день смерти! — Выкрикнул, и чуть успокоясь, спросил: — Какого же ты рожна туда лезешь? — Он еще что-то хотел сказать, но махнул рукой и тихо посоветовал: — Все, бери повестку и уходи! Послезавтра — эшелон! — И с тихим бешенством добавил: — К черту! Надоело! Я тоже скоро... Нога пошла на поправку. Быстрей бы добраться, чтобы самому... Самому взять за глотку... Иди! Будь здоров!.. Желая, чтобы на фронт попал, когда научишься по-настоящему воевать. Иди...

Весь день я провел на заводе. Сдал инструмент мастеру цеха, по записке секретаря парткома в магазине получил по карточкам продукты, попрощался с ребятами, а вот подойти к Оле не решился.

Вечером я не вытерпел и отправился к ее дому. Остановился под кустами акации. Горел и не мог догореть закат. Густо пахло полынью. Запах горечь-травы особенно ощущается по вечерам, когда вянют на небе закаты...

Я увидел ее в освещенном окне и отшатнулся в кусты, так как мне показалось, что Оля стала вглядываться в темноту. Я хотел выйти, крикнуть ей, но не хватило духу...

Мне было очень грустно и тревожно. Что готовит судьба? Увижу ли я когда Олю?.. Постояв еще немного в кустах, я осторожно вышел и темной улицей вернулся домой.

7

Вокзальный перрон был забит до отказа. В одном конце пели «Последний нонешний денечек», в другом наяривала визгливая трехрядка. Плакали женщины.

Нас, стриженных, привели к эшелону взвозно. Женщины прорывались к строю, вытаскивали из рядов своих сыновей, плакали, целовали, заталкивали в карманы кто сухари, кто махорку, кто просто безделушку на память... Меня никто не провожал. С родными я простился дома и уговорил их не приходить к эшелону, а мама почему-то не приехала — наверное, не передал шофер мою записку.

...Из теплушки я с волнением всматривался в текущую толпу, проклиная свою беспечность, и все надеялся, что мама успеет приехать. Наконец, эшелон тронулся и, постукивая колесами, начал набирать скорость. И в этот миг я увидел маму.

Она бежала по перрону, всматриваясь в раскрытые двери теплушек. Я перевесился через поперечный брус дверей, крикнул ей что было мочи. Она услышала, протянула руки, прибавила бег, что-то закричала, и ее крик так больно ударил по сердцу, что я рванул из теплушки и перевалялся бы через брус, не удержи меня кто-то за гимнастерку.

А мама, заметив меня, еще быстрее побежала по перрону. Ветер трепал ее рассыпавшиеся волосы, рвал косынку, свалившуюся на плечи. Она отталкивала провожающих, что-то кричала с перекошенным лицом, а поезд все набирал, набирал скорость, и мама отстала...

Потом поезд дал длинный прощальный гудок, который заглушил все звуки. Вагон качнулся на стрелке, и платформа с мамой тоже качнулась в сторону, пропала, и я увидел лишь выгнутую дугу состава, открытые двери теплушек и в их темных проемах пятна молч призывников и их протянутые руки... И я молча заплакал от невыносимой боли и стыда за свою нелепую жестокость к самому родно-

му и близкому человеку. А ветер бил в открытые двери, и вместе со слезами я ощущал родной и горький вкус полыни на губах...

8

Я попал не в пехотное училище, а так случилось, что закончил ускоренное артиллерийское. Мне присвоили звание младшего лейтенанта и в середине сорок четвертого года отправили на фронт командиром огневого взвода противотанковой батареи. Войну я закончил в Берлине девятнадцатилетним лейтенантом, командиром батареи. После Победы я из армии не ушел и связал свою судьбу с военной службой...

В сорок шестом, летом, я приехал в первый отпуск. В доме тети собралась вся наша семья. Не было среди нас только отца — он погиб в конце войны под Прагой.

...И выпили, и помянули тех, кто не вернулся, и плакали, и строили планы — как начинать жизнь после такой опустошительной войны.

Мама не отходила от меня ни на шаг, точно боялась, что я снова сорвусь куда-нибудь на край света, не попрощавшись, а я все хотел спросить у нее об Оле, да не решался.

Ну, а когда выпили, осмелел. Мама посмотрела на меня строго и беспокойно. Видимо, догадывалась, что я любил Олю.

— А ты разве не знаешь? Ведь Оленька погибла. Она сразу после тебя ушла в армию...

Сердце мое сжалось, хмель пропал. Я отодвинул в сторону недопитый стакан с водкой и тихо спросил:

— Ну, а как себя чувствует Екатерина Ивановна Санина?

У матери задрожал подбородок и на глазах появились слезы:

— Три месяца назад похоронили. Отмучилась, горемычная... У нее ведь и муж и все сыновья...

В это время меня обнял дядя.

— Брось горевать, Миша! Выпьем по-фронтовому! За упокой и светлую память всех, кто не дожид до радостного дня Победы, а? Давай за твоего бату — дружка моего! Правильный был мужик в жизни! Ма-ать, налей служивым, быстрей!..

Дядя все время рассматривал меня с каким-то недоверчивым любопытством. Когда он уходил воевать, мне было четырнадцать, а сейчас перед ним был лейтенант с двумя боевыми орденами. «Ну и дела! — только и произнес дядя при встрече, увидев меня в офицерской форме. Развел руки. — Вот батя бы радовался, доживи он до Победы...»

Осторожно, стараясь не обидеть дядю, я освободился из его объятий и вышел на крыльцо. За мной следом поднялась и мама.

— Ты куда, сыну?

— Подышу свежим воздухом... Голова что-то закружилась!

Догорал закат. Высоко в небе дымилась розовая пряха облаков. Из дома неслись песни. Среди женских голосов выделялся дядин, хрипловатый, заглубленный.

Выкурив папиросу, я пошел на улицу и направился к городскому парку. Из парка доносились звуки духового оркестра, исполнявшего вальс «На сопках Маньчжурии».

Впереди меня шла девушка в белом. У меня вдруг беспокойно ударило сердце. Девушка напомнила Олю. Я замедлил шаг, остановился, закрыл глаза и вспомнил ее остро и выпукло, застенчивую, с неповторимой улыбкой...

А из городского сада мягко доносились аккорды старинного вальса. Пела задумчиво труба, вздыхал бас, монотонно и грустно бил барабан. За все годы дружбы с Олей я лишь один раз танцевал с ней, под звуки вот этого вальса. Это было в сорок втором... До мельчайших подробностей помню танец: ее глаза и вздох, когда она положила на плечи руки, ободряющую улыбку и осторожную помощь при вальсировании — танцор из меня был никудашный — и грустный, томительный звук трубы: «На сопках Маньчжурии войны спят...»

Все было так, как два года назад, и не так. Я медленно шел за девушкой, вспоминая Олю, а из степи теплый летний ветер доносил пустыни и горький, этот горький, горький запах полыни.

ДЕЛО ОТЦОВ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕТИ

Станица Старонижестеблиевская — обычная станица, каких сейчас сотни на Кубани, с добротными домами, асфальтированными улицами, со своими «Черемушками». Но в биографию страны станичники сумели вписать свои особые строки.

Первая строка относится к боевому и бурному времени, когда Дмитрий Фурманов высадил здесь знаменитый красный десант для уничтожения остатков белых банд. Преданные делу революции, сыновья земли кубанской, не жалея жизни и крови, защищали Советскую власть. В ту пору на восточной окраине станицы белогвардейцами были расстреляны председатель стансовета П. Сайко, секретарь стансовета К. Корж и с ними еще десять активистов. В станичном парке культуры установлен обелиск, на котором золотом начертаны имена погибших.

...Пришла пора коллективизации. Старонижестеблиевцы включились в великую борьбу за строительство новой жизни на селе. Вместе с жителями близлежащих станиц Ивановской и Красноармейской они явились пионерами кубанского рисосеяния, участвовали в сооружении первых оросительных каналов, в создании экспериментального рисового хозяйства «Чернесский». Первые сотни гектаров земель, отвоеванных у плавней, заселили новой для этих мест культурой — рисом, не подозревая даже, что тем самым они закладывали фундамент будущей славы Кубани в этой отрасли.

...Грянул грозный 1941-й. На фронт отправилось 1200 станичников. Уходили целыми семьями, и многие семьями и не возвращались. У Макара Шакало погибли четыре сына, у Власа Живогляда не вернулись тоже четверо сыновей, у Никодима Пищалова —

трое. Не вернулись с войны три брата Ткаченко, три брата Кирячен, три брата Поповых, три брата Сливкиных.

Станица дала Родине двух Героев Советского Союза — Григория Матвеевича Чигрина и Ивана Прокофьевича Афанасенко, полного кавалера ордена Славы Алексея Евтифеевича Евтушенко и сотни кавалеров других боевых орденов и медалей.

В то время как ушедшие на фронт мужья сражались с оружием в руках за независимость нашей Родины, их жены в тылу работали на победу. В мае сорок третьего погиб на фронте тракторист Андрей Олефиренко. С двумя мальчиками на руках осталась вдова Раиса Алексеевна Олефиренко, но не поддалась отчаянию, честно и добросовестно трудилась и дважды была удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина. Вырастила сыновей, оба работают в родном колхозе.

Залечивая раны, оставленные войной, в станице заботились о том, чтобы никто не был забыт. В память о не вернувшихся с полей сражений соорудили мемориал. На мраморных плитах золотом начертано более 800 фамилий солдат, сержантов, старшин и офицеров, погибших на фронтах. Внутри мемориала хранятся их фотографии, боевые награды, личные вещи и письма, полученные родными с фронтов. В дни любых торжеств все двенадцатитысячное население Старонижестеблиевской, от мала до велика, приходит к этому священному месту.

Но главным памятником погибшим стали успехи и достижения станичников. Дело отцов продолжают их дети. Не вернулся с войны колхозник А. М. Брилев — его заменил сын Анатолий. Он закончил институт и сей-

час работает в колхозе главным ветврачом. Погиб на фронте колхозник М. Л. Горобей — на его место стал сын Михаил, главный инженер колхоза. Отдал жизнь за Родину Н. М. Илюшин, любивший колхозную землю, выращивавший на ней отменные урожаи, а теперь его сын Валентин работает агрономом и из года в год добивается повышения урожайности.

Колхоз имени Калинина — богатое и многоотраслевое хозяйство. Одно только риса засеивается более пяти с половиной тысяч гектаров. Ежегодно рисоводы получают от 50 до 70 центнеров с каждого гектара.

На восьми фермах самоотверженно трудятся колхозные животноводы, давая стране ежедневно сотни тонн мяса, молока и другой продукции. Бок о бок с ними работают овощеводы, плантации которых раскинулись на 340 гектарах, садоводы, виноградары, рыбодоводы и мелководники, строители и механизаторы.

В Старонижестеблиевской имеется крупный рисозавод, продукция которого идет во многие промышленные центры нашей страны и в страны социалистического лагеря. Есть сырзавод. В станице современный Дворец культуры на 750 мест, прекрасная библиотека на 25 тысяч томов с тремя читальными залами, три средние школы. На всех этих участках трудятся мои земляки, превращая в жизнь решения XXV съезда КПСС и вписывая все новые и новые строки в биографию Страны Советов, родины победившего Октября.

Антон ТРОЯН

Станица Старонижестеблиевская, Краснодарский край.

ВО СЛАВУ ЧЕЛОВЕКА

Первая книга Олега Шестинского вышла в 1955 году. Большой частью она была связана с болгарскими впечатлениями автора. Но впечатлениями не туристскими. Олег Шестинский закончил болгарское отделение Ленинградского университета, стажировался в Софии. Болгария естественно вошла в сердце поэта и в его стихи, как Ленинград, как солнечные долины Армении, как первозданная красота родной природы... Великая дружба болгарского и советского народов, дружба, скрепленная кровью борцов за правое дело, стала источником вдохновения для О. Шестинского. Еще одно яркое тому свидетельство — новая книга поэта «Эпический разбег», выпущенная Ленинградским отделением издательства «Советский писатель» в 1976 году. Она полностью посвящена Болгарии. Более того, является, по словам автора, вольной и поэтической интерпретацией болгарских народных песен, мысли и чувства которых общечеловечны.

Книга «Эпический разбег» состоит из четырех частей — четырех глав, которые автор торжественно называет песнями. Песнь мужества, Песнь труда, Песнь любви, Песнь веселья. В свою очередь, каждая «Песнь» начинается монологом. Такое построение интересно не только в чисто стилистическом отношении, но имеет внутренний смысл. Во славу человека,

мужественного и верного, работающего, нежного, веселого, слагает свои песни поэт. Во славу человека, знающего, что надо:

...не просто выжить,
не просто жить,
не просто поживать,
не просто проживать,
но утверждать себя во имя
Правды.

Перечитывая книгу «Эпический разбег», а также изданную в том же 1976 году итоговую в некоторой степени книжку «Избранные стихи и поэмы», отмечаешь не только и не столько профессионализм автора, его завидное умение ставить слова в строку, как кладут кирпичи в стену вырастающего дома, но свежесть, простоту его стихов, озорное и слегка ироничное отношение к самому себе. Однако сказанное вовсе не означает, что поэт постоянно беззаботен и весел. Его ирония — состояние человека, живущего в предчувствии каких-то глобальных изменений:

...пляшу —
пол прогнулся дощатый,
веселые песни ору,
а знаю — не будет пощады,
когда я проснусь поутру.

Новые книги О. Шестинского различны по тематике, но глубоко близки по духу. Нравственный аспект его лирики заключен, пожалуй, вот в этих строчках из книги «Эпический разбег»:

...все связано таинственной
связью,
а может, не таинственной,
просто

нам не понять до дна
мудросплетенья
природы, человека и земли...

Поэт много размышляет над этим «мудросплетеньем» природы, человека и земли, над сущностью бытия. В поэмах «Хлеб наш насущный», «Будь Садовником Земли», составляющих ядро книги «Избранные стихи и поэмы», О. Шестинский заключает: смысл жизни в том, чтобы все, что ты имеешь, отдать людям. Только в таком случае можно стать счастливым. Вечные категории счастья и добра у О. Шестинского имеют точки соприкосновения. Счастливым человек всегда приносит радость другим, и в то же время, делая добро, нельзя не быть счастливым.

О чем бы ни писал этот интересный, талантливый лирик — о храбрых юнаках на поле брани, о мальчишках блокадного Ленинграда (поэт сам пережил все эти страшные 900 дней, сам был в числе тех мальчишек), отсюда так пронзительна незаживающая боль памяти, наполнявшая его стихи о далеком детстве, о событиях в Чили, ставших всеобщей скорбью, — в стихах О. Шестинского присутствует высокий гражданский пафос, чувство личной причастности к деяниям рук или разума человеческого («Монолог», «Невдалеке от места заточения Луиса Корвалана», поэмы «А под Небом есть Земля», «Думаю о XXI веке»).

И мне хочется закончить эти заметки о новых книгах Олега Николаевича Шестинского добрыми словами, пожелав попутного ветра парусу его поэзии.

Валентина ЛЕВОЧКО

Иван РЯДЧЕНКО

ПАМЯТНИК МАТЕРИ

Я видел памятник литовский.
Стояла каменная мать.
Ей руки плоские, как доски,
уже вовеки не поднять.

Холодный страх ее не сгорбил.
Но был в лице запечатлен
такой могучий слиток скорби,
что у живых рождался стон.

Она была не бог, не идол,
жила в ней вечность, а не миг...
И я свою в ней мать увидел
и мать всех мертвых и живых.

Как безязыки камни эти!
Но под безжалостным резцом
они вдруг шепчут:
— Дети, дети... —
нежнее матери с отцом.

Они над гибелью и злобой
встают незыблемо в тиши.
И есть в их грубости особой
незакрываемость души.

По-человечески безбожно
они кричат, не голоса.
Взорвать, наверное, их можно
Забить, наверное, нельзя.

ЮБИЛЕЙ

Что со временем случилось?
Газеты гласят:
юный Саша Матросов,
тебе — пятьдесят.

Вот как вышло, солдат:
нам полвека с тобой...
Неужели нам трубы
играют отбой?

Стой! Твои пятьдесят
и мои пятьдесят,
как ни грустно признаться,
о разном гласят.

Для тебя — только юность
бессмертной поры.
Для меня — перевал
на вершине горы.

Словно пули, свистят,
пролетая, года.
Ты не будешь седым,
словно я,
никогда.

Леденеет январь,
зеленеет июль.

Обновления бег

Ты собой заслонил
наше время
от пуль.

Осыпают тревоги
снежок на виски.
Все седые мужчины —
твои должники.

Много прав у тебя.
Но не будет и впредь
права вместе с друзьями
на свете стареть.

И я помню всегда,
боевой побратим,
что обязан тебе
юбилеем своим...

ЧЕКАНКА

Висит в моей квартире
грузинская чеканка.
Мчит парусник пузатый
сквозь пенную вуаль.
Возможно, остров Куба,
а может, устье Ганга
лежат по курсу барка,
стремящегося вдаль.

Не видно труб дымящих
еще под небесами,
и парусник от пара
не мается нутром.
Лишь пойман вольный ветер
тупими парусами —
и трудится усердно
простым поводырем.

Я видел много меди,
бродя по магазинам,
но эта, словно рында,
звучит под потолком:
пузатый барк изваян
улыбчивым грузином —
давным-давно ослепшим
глубоким стариком.

Таилась влага, может,
в его незрячем зоре,
когда старик старался
весь мир уразуметь.
Он гор своих не видел,
не видел он и моря...
Но понимала горе
отзывчивая медь.

И каждый раз как будто
вхожу я в мастерскую,
где руки золотые
не знают суеты,
и молоточек звонкий
кует мечту людскую,
добытую на ощупь
под сводом темноты.

ЛЮБОПЫТСТВО

Едва разлучаемся с соской,
как хочется знать напролом:
— А что там, за белой березкой,
растущей за нашим селом?

Еще не насмотришься зорь там,
как сердцу ответить вели:
— А что там, за тем горизонтом,
что с небом обнялся вдали?

Став старше, с веселостью злою
мы в космосе ищем ответ:
— А что там, за нашей Землею,
на тысячах звезд и планет?

Ах, техника! Зря не ломайся.
Освоим немой океан,
И нас не смутит, что на Марсе,
наверное, нет марсиан.

Всю жизнь отвечаем на броский
вопрос, оглушивший, как гром:
— А что там, за белой березкой,
растущей за нашим селом?..

СУХОГРУЗ

Серьгою величаво
продет овальный клюз.
Ты дремлешь у причала,
товарищ сухогруз.

Свисают с кранов струны.
С утра и до утра
глотают жадно трюмы
тюки и трактора.

Играют бликов вспышки.
А ты могуч и горд.
Вчерашние мальчишки
идут к тебе на борт.

На их нашивках гаммы
перебирает луч.
Но трап под их ногами
и шаток и скрипуч.

Прошу: как добрый гений,
ты от ребят не прячь
романтики лишений
и скупости удач.

Пусть выйдут в полдень шквальный
и кинут якоря
в бутылочные пальмы,
в безумные моря.

Чтоб видеть постоянно
за синей полосой
в нашивках капитана
не золото, а соль.

Начинается в мае купальный сезон.
Так волна изумрудна и брызги хрустальны.
Я — обычный купальщик,
но я потрясен
не купаньем, а вечным
присутствием тайны.

Море, море, ответь, не пойму до конца:
как в тебе, охватившем такое пространство,
постоянно живут, словно два близнеца,
обновления бег
и закон постоянства?

Вот попробуй-ка старым тебя назови:
ветер стихнет — и нету висков убежденных,
и ты заново в возрасте
первой любви,
хоть лета исчислят тебе
в миллионах...

**Мумин КАНОАТ,
поэт, первый секретарь
правления Союза писателей
Таджикской ССР**

Каждое утро вместе с восходом солнца я совершаю восхождение в горы — от моего дома до них рукой подать.

Горы... Из четырех «семи тысячников» нашей страны три находятся на территории Таджикистана. Ежегодно эти вершины штурмуют сильнейшие альпинисты мира. Чем выше вершина, тем значительнее победы.

Самые высокие вершины Таджикистана названы высокими именами — пик Ленина, пик Коммунизма.

Есть у нас на Памире и пик Маяковского. Имя этого поэта

каждой новой победой все ближе и видней наша заветная цель — коммунизм.

На XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК нашей партии товарищ Л. И. Брежнев говорил:

— Сегодняшние свершения советского народа есть прямое продолжение дела Октября. Это есть практическое воплощение идей великого Ленина. Этому делу, этим идеям наша партия верна и будет верна всегда!

Думаю об этом, я как самую главную книгу моей жизни перелистываю историю нашей страны, моей родной республики. Я вижу Мукума Султана и Чеслава Путковского, героев борьбы за установление Советской власти в Таджикистане, и молодых таджикских инженеров и учителей, внуков неграмотных дедов из нищих кишлаков. Я думаю о том, как было непросто и трудно каждому отдельному человеку и всему народу в целом. Я вижу первые экскаваторы на Вахше в пору преобразования болот этой долины в плодороднейшие поля и первые КамАЗы: они недавно начали работать на Южно-Таджикском территориально-производственном комплексе, их новый маршрут — строительство Рогунской ГЭС.

Я помню шаткие овринги — висячие плетеные дорожки над глубокими ущельями — и с ощущением большого счастья еду на автомобиле по асфальту Большого Памирского тракта.

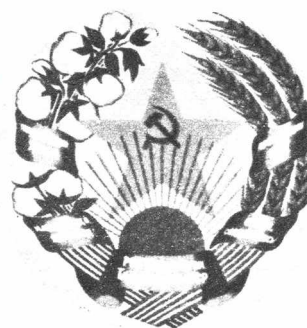
Я помню первые колхозы и первых колхозников и сравниваю их с людьми сегодняшнего села.

Жизнь девочки из кишлака Шахмансур, пионерки Мамлакат Нахангоной нельзя назвать иначе как подвигом. Бедна была ее семья — из одиннадцати детей выжило только двое, одна из них Мамлакат. Рано умер отец. Мамлакат еще третьеклассницей стала обучать взрослых, а взрослые все вокруг были неграмотными.

орденом Ленина. Я словно чувствую тепло этого ордена. Оно как тепло солнца, отдающего свой жар людям. Люди вдохнули его в землю. Хлопок, выросший на этой земле, хранит в своих коробочках жар миллионов сердец. Их много, очень много, этих коробочек. Ложатся одна к одной. Складываются в тонны, без малого в 850 тысяч тонн. И вот впереди миллионный рубеж. До него тоже рукой подать... Из одного килограмма тонковолокнистого сырья получится нить, которой можно обвить земной шар по экватору. А сколько у нас таких нитей в Гиссарской и Вахшской долинах, в Ленинабадской и Кулябской областях! Они связывают Таджикистан со всей страной; ими, как лучами тепла и дружбы, можно обвить всю нашу землю. Как светом обвить.

Люди и время. Думая о юбилее Страны Советов, я думаю о ее людях, о людях моей республики, о дружной советской семье. Негмат Карабаев — первый таджик, удостоенный звания Героя Советского Союза. Туйчи Эрджигитов повторил подвиг русского солдата Александра Матросова. Домулло Азизов и Саидкул Турдыев получили звание Героя Советского Союза посмертно: не жалея жизни, они форсировали Днепр. Пулат Атаев, наборщик по профессии, пошел на войну в 1943 году. Он стал разведчиком. Его военная жизнь была не столь долгой, как у тех, кто воевал с первого дня, но столь же мужественной. Он стал полным кавалером ордена Славы. Он, как и весь советский народ, воевал во имя идеи, начертанной на наших знаменах, — во имя торжества коммунизма. Солдат победил и стал счастливым свидетелем и участником коммунистического строительства.

Нашими руками строится Нурек. На наших глазах рождается

Н. Островского, А. Фадеева, С. Айни.

В духовной жизни Таджикистана нынче много ярких имен. Это Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный поэт Таджикистана Мирзо Турсунзаде. Это народные артисты Малика Сабирова и Ахмад Бабакулов. Творческую эстафету они передают молодым, и успехи молодежи радуют мастеров.

Я думаю об интернациональном характере нашей литературы и искусства, об интернациональном образе наших мыслей — это одно из величайших социальных завоеваний Октября. Вот пример, ставший хрестоматийным: на строительстве Нурекской ГЭС работают люди более 40 национальностей. Эти люди сотворили чудо в Нуреке. Или, если говорить скромнее, одно из многих чудес XX века. Я слышал, как скептически настроенные иностранцы, увидев Нурек, восхищались: да, это действительно чудо.

Конечно, предстоящая нашему взору уникальная ГЭС в горах поражает воображение. Но надо помнить о том фундаменте, на котором она держится и который невидим, — имя ему братство и дружба советских народов. От прочности этого фундамента зависит прочность всего здания, что мы возводим шесть десятков лет, любя, и надеясь, и получая от своего труда наивысшее удовлетворение. Это здание — коммунизм.

...Когда-то мою родину называли страной классического бездо-

ОТ ВЕРШИНЫ К ВЕРШИНЕ...

для нас, писателей, особенно дорого. Так же, как и вершина его имени, словно символ высот нашей многонациональной поэзии.

В хрустальном воздухе гор разлит покой, аромат первых трав и цветов. Здесь хорошо думается. Я думаю о том, что и в литературе есть свои вершины, свои мастера. Альпинисты пойдут в горы летом. Для творчества нет сезонов, оно всегда в пути к своим вершинам. Естественно, что восхождение — это путь не только литераторов и художников. Так шагает наша эпоха, наше социалистическое общество. Восхождение началось в Октябре 1917 года и продолжается шесть десятков лет — вперед и вверх, от вершины к вершине.

Тот, кто бывал в горах, знает: за первой покоренной высотой встает другая, еще более прекрасная, яркая, желанная. Для нас, советских людей, за

И был у Мамлакат удивительный звездный час — рекорд Алексея Стаханова. В тот день девочка, выступая на школьном митинге, сказала:

— Если Стаханов смог нарубить сто две тонны угля, то почему я не могу собрать сто два килограмма хлопка?

А дневная норма тогда была тринадцать килограммов.

Она выполнила обещание.

И вот девочку-пионерку, как взрослую, принимают полноправным членом в колхоз. Это была ее первая вершина. Потом были следующие. Окончила школу. Институт. Выучила английский язык. Защитила диссертацию. Стала заведующей кафедрой иностранных языков. А на земле кишлака Шахмансур теперь вырос новый — Железнодорожный — район города Душанбе.

Мамлакат была награждена за свой труд высокой наградой —

таджикский алюминий. И сбывается мечта народа, легендарная, давняя мечта — зеленеют безводные пустыни.

Каждый день рождает новых героев. Стали лауреатами Государственной премии СССР хлопкороб Сафар Солиев из Курган-Тюбинского района и монтажники Нурека Максим Демко и Анатолий Шильников. Стали Героями Социалистического Труда хлопкороб Абдуфайз Дустов, механизатор Дильбарнисо Нурматова, доярка Сабихат Джамолова...

Я с гордостью произношу их имена.

Эти люди — герои современной литературы. Они соавторы писателя, композитора, режиссера, художника, актера. Современный герой все чаще входит в литературу со своей фамилией, своей биографией, своим подвигом. Этим мы продолжаем замечательные традиции М. Горького,

рожья. Когда-то казалось, что дорог тут и не построишь, — столь высоки пики, столь заснежены поднебесные хребты. Случилось так, что самолет на Памире появился на четыре года раньше автомобиля. До революции из Душанбе в Хорог опасными и ненадежными тропами добирался сорок суток. Мирзо Мастангулов, памирский летчик, говорит: «Авиация сократила этот срок в двести раз. Авиация работает на коммунизм». Я завидую скорости памирца Мирзо Мастангулова...

...Шестидесятая весна Октября идет по советской земле. Идет, будто добрый сеятель, щедро дарит вдохновение тем, кому дороги мир, труд, дружба, прогресс, социализм.

Пусть же эта весна будет всегда в нашем сердце. Пусть вечным источником горения будет для нас Великий Октябрь.

По старым адресам

Десять лет назад, в преддверии пятидесятилетия Октября, беседуя с корреспондентами «Огонька», первый секретарь ЦК КП Таджикистана Джабар Расулович Расулов рассказывал о перспективах Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса. Как вехи будущего он называл Нурек, Регар, Рогун.

Ныне, в канун шестидесятой годовщины Октябрьской революции, Нурек дает электроэнергию, Регар — отличный алюминий, в Рогуне начато строительство новой мощной ГЭС.

«Огонек» рассказывает о таджикских геологах-первопроходцах: с их открытий начинается каждая стройка.

**Н. ХРАБРОВА,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

БАРАТОВИТ

Одним из верховьев речки Дашти-Мазор, помня старинный девиз геологов: «С умом и с молотком» — в том смысле, что с этими двумя, так сказать, орудиями производства геолог должен выходить в поиск. А был я тогда всего лишь коллатором в геологической партии и, естественно, больше умел действовать молотком. Я его и теперь, в эру геофизики, аэро- и космической разведки, по-прежнему уважаю, он продолжение моей руки, с ним все ясно: по нужному стучит глухо, по искомому — со звоном. До сих пор помню, как мне тогда, в сорок втором, хотелось услышать звон. И услышал ведь! А если на такой высоте есть хоть кусочек, значит, есть и залежь. Полез еще выше в горы. Опомился, когда стемнело. Ребята уже собрались искать меня, костры зажгли. Досталось мне в тот вечер, однако, и упреков и похвал. Запомнилась же речка Дашти-Мазор потому, что на ее берегу узнал я радость первого открытия. А вообще много всего было за тридцать пять полевых сезонов.

Так рассказывал академик АН Таджикской ССР Р. Б. Баратов.

Родители академика были неграмотными. Но в год его появления на свет — в 1921-м — над кишлачным советом Пулатана уже развевался алый флаг. И сорок сознательных лет не просто прошли в науке — пролетели в погоне за знаниями. В погоне! Ведь если медленно, шагом, — не успеет человек дойти от глинобитной кибитки до самых высот науки.

Все начиналось с Канибадамского педагогического училища.

— Я его с отличием окончил, — улыбается Рауф Баратович своим воспоминаниям, — и говорю это не для хвастовства, а потому, что вдруг вам интересно будет: в тридцать восьмом году таджикские студенты-отличники получили поощрительную путевку в Москву, и фотография нашей группы была опубликована у вас в «Огоньке».

А геология... Тут такое дело, что Рауф Баратов родился с ней по соседству. Недалеко от Пулатана были выходы нефти. После революции они стали нефтепромыслом «КИМ». В начале 30-х годов его оснащали новыми механизмами, и у Рауфа Баратова стало потребностью ходить туда, смотреть, как ритмично работают качалки. Земля до черноты пропиталась нефтью. Запах ее был резким и новым, непохожим на тысячулетние запахи глины, кизячного дыма слишком затянувшихся кочевий. «КИМ» — это было будущее. Горячее, трудное, близкое.

Из-за этих качалок Рауф Баратов оставил должность преподавателя арифметики и пошел учиться дальше — в Ташкентский университет, на геологический факультет.

— ...Там я попутно узнал, что таджики в далекой древности умели разрабатывать руды многих металлов и неметаллического сырья, извлекали из них медь и свинец, золото и железо, серебро и бирюзу. Они кострами раскаляли стенки горных выработок и поливали их водой, стенки трескались и легко поддавались кайлу... Я узнал, что первая таблица классификации минералов была составлена Авиценной, ею пользовались университеты Европы до середины восемнадцатого века, — продолжает вспоминать мой собеседник.

А после Авиценны появился Чингисхан. Умолкли штольни, высохли реки. Прошлое надолго поросло сухими и горькими травами забвения.

Сейчас в Таджикистане сотни тысяч образованных людей. Из одного только Пулатана вышло три академика — Рауф Баратов, Бабаджан Ниязмухамедов, Камилль Таджиев. У Рауфа Баратовича столько титулов, званий и степеней, что здесь я могу назвать только некоторые: вице-президент Таджикской АН, доктор наук, директор Института геологии АН Таджикистана, лауреат премии Авиценны, член Национального комитета геологов СССР, заслуженный деятель науки и техники Таджикской ССР...

Свое научное кредо академик Баратов выразил кратко:

— Как бы не так!

— То есть?

— То есть мыслить самостоятельно. Если авторитеты утверждают, что залежей здесь нет и не может быть, сказать себе: как бы не так! Я поищу.

— В вашей семье есть еще геологи?

— Есть. Антонина Григорьевна, моя жена, тоже геолог по образованию. Правда, я ее «выжил» из геологии, теперь она работает старшим библиографом в библиотеке нашей академии, но, сами понимаете, новинками в первую очередь помогает геологам. Сын Олег — в Москве, аспирант Института геологии рудных месторождений АН СССР. Дочь Зибко хоть и химик по образованию, но работает в области полезных ископаемых. Младший сын Азиз — студент третьего курса геологического факультета. А больше у нас в семье взрослых нет.

— Что это за камен у вас на полке?

— Его голубоватая и пестрая часть — нефелиновый сиенит.

— А внутри розовое, мерцающее?

— Это? Один новый минерал. Всего в мире их около четырех тысяч видов. Каждый вновь открытый проходит строгое исследование и утверждение в международных минералогических инстанциях. А мой аспирант Слава, простите, Вячеслав Джинаевич Дусматов, нефелиновые сиениты, с ними нашел и новые минералы: таджикит, согдианит и вот этот, «розовый, мерцающий». Дусматов обнаружил его

в семьдесят четвертом, а в семьдесят шестом минерал был утвержден и вошел в мировой каталог, видите ли, с моей фамилией — баратовит.

ЛЮДИ С УЛИЦЫ МАДАНИЯТ

Ну и весна в Таджикистане! Водопады, лавины, потоки солнца низвергаются на землю, а навстречу взлетают зеленые, белые, фиолетовые, розовые каскады: цветут багряник, сирень, просто вишни и лавровишни, яблони, абрикосы, миндаль, маки, тюльпаны. Все сразу! И тут же, рядом, только на три километра выше — вершины Гиссарского и Зеравшанского хребтов в блистающем снегу. Солнечный воздух и солнечная вода горных рек с прикусом вечных льдов.

От цветов к ледникам мы поднялись на вертолете: заместитель начальника Управления геологии при Совете Министров Таджикистана Музаффар Абдуллаев пригласил нас на облет геологических партий, куда весной никаким иным способом невозможно попасть. Спускаемся в горы, на том «узелке», которым как бы завязана одна из величайших горных систем Земли. Хребты, гребни, пики. Скалы — коричневые, лиловые, а то и пестрые — желтые, в сине-зеленых разводах — почти отвесно уходят в небо. Здесь уже нет ни цветов, ни трав. Лишь непостижимым образом цепляются за камень два абрикосовых деревца да несколько кустиков эфедр. И, как птичьи гнезда, на уступах скал прилепились домики геологов, столовая, клуб, где каждый вечер показывают фильмы. Людское жилье кажется крохотным и только усиливает ощущение великих гор.

— ...Ученики Баратова... — слышу голос Музаффара Юлдашевича. — Между прочим, я тоже родом из тех же мест, вырос на улице Маданият, на той самой, где жили родители Рауфа Баратовича и он сам в молодости. Знаете, сколько геологов вышло с этой улицы? Не меньше пятнадцати. Все мы шли на геологический, подражая Рауфу Баратовичу. На факультете его лекции слушали... Я и говорю, что большинство работающих в Таджикистане геологов — ученики Баратова. Они тоже. — И Музаффар Юлдашевич знакомит нас с двумя приятелями, начальниками геологических партий, работающих тут, в расселине скал, неподалеку, а точнее, «неповысоку» друг от друга, — Мастоном Саидовым и Ашуром Сакиевым. Загорелые, худощавые, откровенно радующиеся гостям парни. Не только знатоки горного дела, но и организаторы человеческих условий быта — с вкусной едой, киноустановкой — в таких местах, где и орлов что-то не видать.

— Удачные месторождения? — спрашиваем. Мастон и Ашур ухмыляются, а Музаффар Юлдашевич говорит:

— Иначе зачем бы им тут торчать? Есть перспективы в области цветных металлов. А на Памире геологическая экспедиция разведала богатейшие залежи минералов. Подземные сокровища — будущее Таджикистана. Сейчас вся таджикская геология — в разведке. После нас, как всегда и везде, — строители, заводы, города... Геологи

Рауф Баратов — геолог, вице-президент Таджикской АН.

Грани... В центре — баратовит.

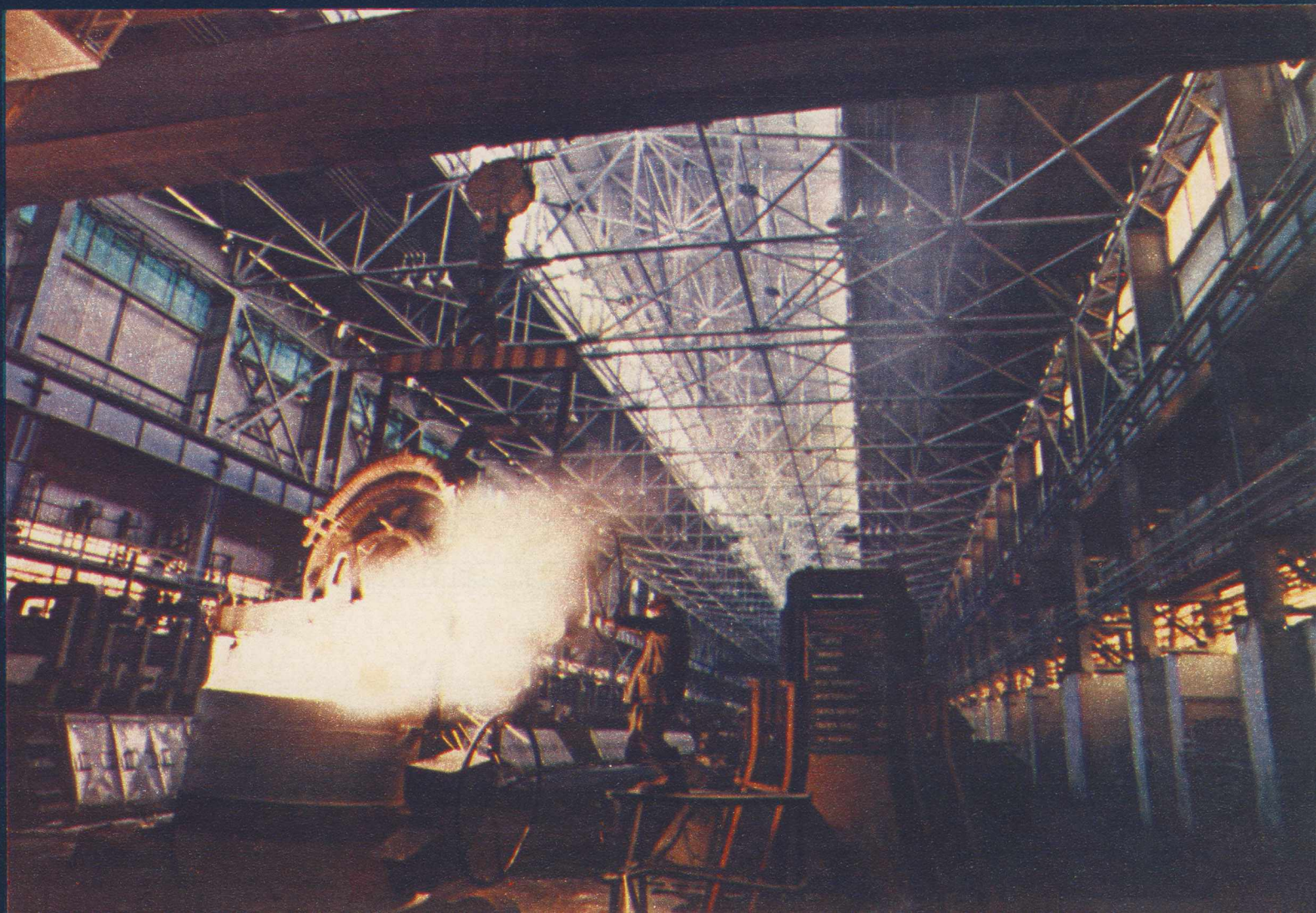
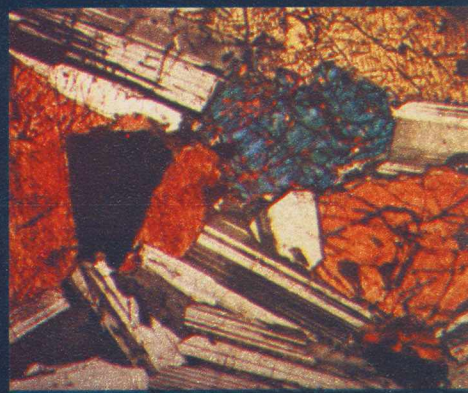
Алюминий Регара.

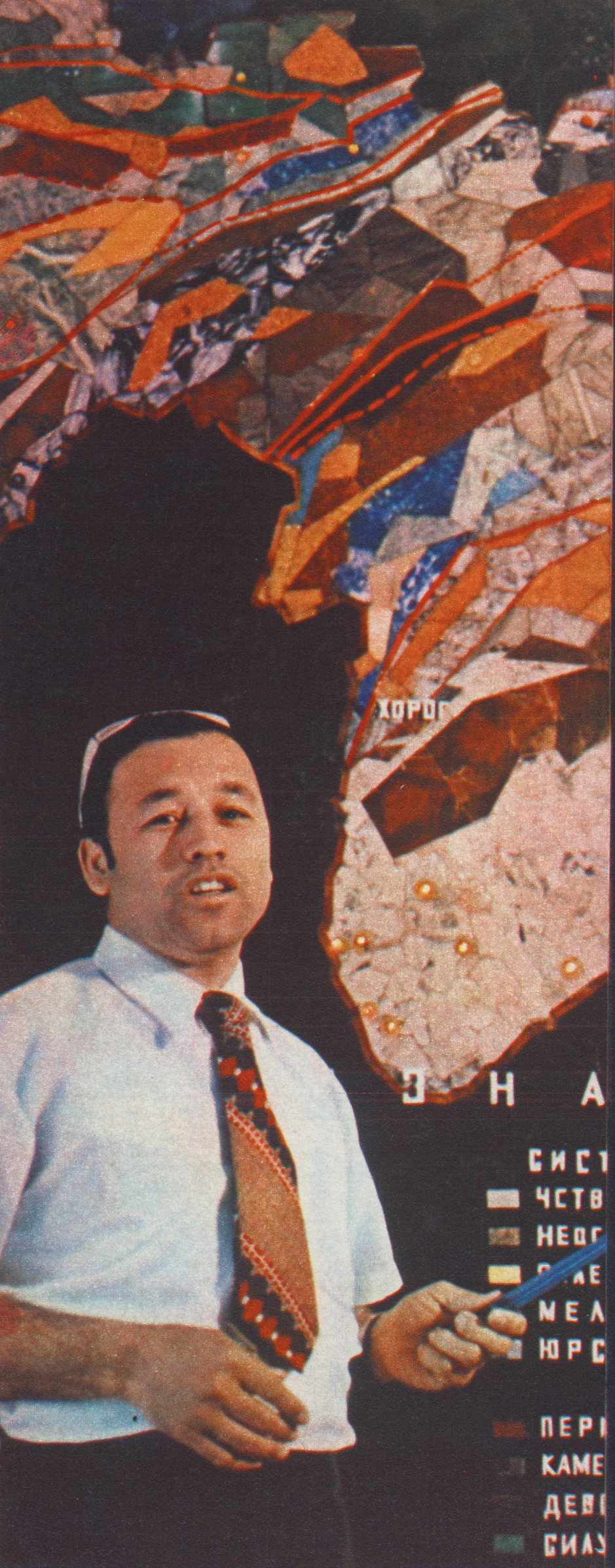
На развороте вкладки: Музаффар Абдуллаев: «Все начинается с геологии».

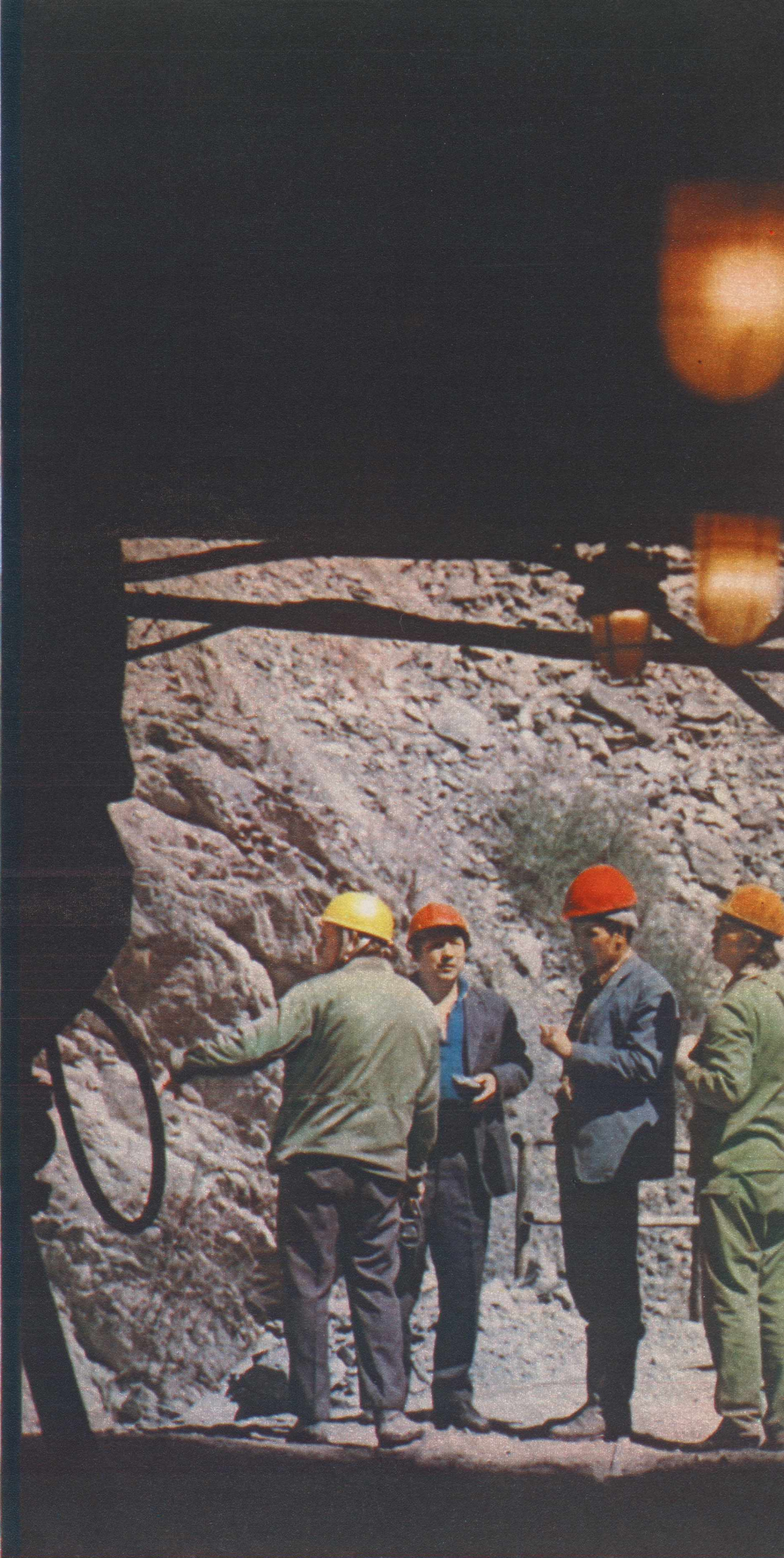
Краски Нурека.

Штольня на высоте двух километров.

ТАДЖИКИ ДАД ИЖОЖИ

хоть и смеются, когда их называют мечтателями, но они были и есть мечтатели. Я вот несколько не стыжусь признаться: мечтаю разбудить сотни миллионов лет молчавшие горы.

С тропинок геологов начинаются дороги.

В ЗЕМЛЮ ЗА НЕБЕСНЫМ КАМНЕМ

В Управлении геологии стоят на столах и на полках сказочной красоты друзы. Одна из них похожа на модель горных хребтов, на хаос скал с вертолетной высоты. Цвет у нее сумрачно-голубой, облачный с просветами — таким бывает небо в часы раннего пасмурного рассвета.

— Нравится? — спрашивает Музаффар Юлдашевич и звонит по телефону: — Андрей Васильевич, ты когда собираешься в поле? Захвати-ка с собой журналистов.

И вот мы в пути. Андрей Васильевич Степаненко работает 22 года в Таджикистане — после фронта, после госпиталей окончил Ташкентский университет. За открытие разных месторождений награжден орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Любит хорошие книги, а окружающий мир в его представлении — прекрасная иллюстрация к геологическим разрезам.

— Таджикистан с его горами, осыпями и обнажениями — естественная геологическая лаборатория. Нигде земную кору так ясно не увидишь без бурения.

И давние знакомцы — перевалы Чермазгар и Шар-Шар — видятся мне сейчас совсем иначе, чем раньше: теперь они да и все вокруг кажется скоплением разных граней и кристаллов.

— Сейчас за поворотом увидите один из красивейших и драгоценнейших минералов на земле, — предупреждает Андрей Васильевич.

Вода — она ведь тоже минерал — лежит гигантской плитой в Пулисангинском ущелье. Называется Нурекиским водохранилищем и несет людям добро.

Пролетают мимо вдоль пути не горы — кристаллы и грани песчаника, известняка, гранита, соли, миллионами лет спрессованные лёссы. Сотни километров кристаллов в длину, тысячи метров — в высоту. А место, к которому мы стремились, вначале разочаровало: карьер как карьер, глыбы после взрыва поблескивают на изломах.

— А погляди-ка, что мы сегодня нашли, — улыбается забойщик Абдулхай Тавакалов и с трудом поднимает большие, прозрачные, легкие на вид друзы. Но только на вид. На вес они, наверное, по пятнадцать — двадцать килограммов.

— Телевизор дома есть? — спрашивает Тавакалов.

— Есть.

— А без этого не было бы.

Речь идет о том самом небесного цвета минерале, ради которого мы сюда приехали. Называется «целестин» — небесный камень по-латыни.

С 1951 года ходили по этим местам геологи, а вместе с ними рабочий Абдулхай Тавакалов. Искали целестин. Нашли. Геологи поднялись выше в горы, опять в поиск, а Тавакалов там и остался, где нашел первую друзу.

Находка Абдулхая Тавакалова.

Кафе гидростроителей.

Регар.

Наставник А. В. Иванов [справа].

Практика по электролизу.

...А геологи остаются.

Так начинается Рогун.

ПОСЛЕ ПУСКА

— Геологическая служба полностью и временно обеспечила все ресурсы для Южно-Таджикского производственного комплекса. Мы, начиная с шестидесятого и по шестьдесят шестой, разведывали ресурсы для этого комплекса, — сказал Виктор Алексеевич Автономов, заслуженный геолог Таджикистана.

Он приехал сюда после демобилизации в сорок пятом. Находил и определял в этой земле разные залежи. Участвовал в поисках мест для крупных строительных площадок. Последние три года Виктор Алексеевич работал в Афганистане, помогал молодой афганской геологии.

— А три года, друзья мои, это огромный срок. В Регаре, вероятно, все изменилось...

Я тоже была в Регаре три года назад. Запомнилась хаотичность разных форм железобетона, начало будущих корпусов, озабоченное лицо Салима Махкамбетова — директора будущего алюминиевого завода. Я тогда увезла в памяти только одну цифру: для получения тонны сырого алюминия потребуется затратить пятнадцать-шестнадцать тысяч киловатт-часов электроэнергии. Но линия электропередач уже пришла тогда из Нурека в Регар, и казалось, все пойдет как по маслу.

Мы с Автономовым едем в Регар. И действительно его не узнаем. Первая очередь завода работает — дает алюминий. И стоит недалеко от завода новый город Регар — ровные улицы пятиэтажных домов с кружевными балконами. Салима Махкамбетова я тоже не сразу узнала: он посидел за эти три года, нелегкой была стройка.

Регарский завод работает на обожженных анодах — сложный процесс, в результате которого при литье выделяется гораздо меньше против прежнего вредных газов и сохраняется чистота окружающей среды. У стен корпусов растут сады с юными кустами роз: озеленители в порядке эксперимента сажают самые капризные цветы. В управлении технологией, режимами плавки и при разливе алюминия применяется много автоматики.

А специалистов по управлению ею мало. Из Братска и Красноярска с аналогичных заводов приезжают те, кто привык работать на пуске. Их коллеги, секретарь парткома, молодой инженер Николай Антонович Ильичев, сказал про них:

— Это совершенно особый народ. Дело в том, что пуск завода, да еще такого, событие в жизни человека чрезвычайное, незабываемое. Тут мы достигаем вершин, все спружинено: мастерство, силы духовные и физические и, я бы сказал, азарт... А потом, когда начинается ритмичная работа, тому, кто пускал завод, становится скучно, а человек он известный, и его снова приглашают куда-то на пуск, и он едет. Конечно, в Регаре все будет в порядке. А сейчас пока не хватает жилья, нет развлечений для молодежи. А кадры нам нужны умелые. Острая проблема.

В разговор вступает Виктор Игнатьевич Кеньшев, секретарь Регарского райкома партии:

— Теперь, когда производственный процесс налажен, надо не уповать на приезжих, а готовить квалифицированные кадры из местных, регарских жителей. Резервы тут есть. В связи с механизацией сельскохозяйственных работ в районе выисковывается примерно пятнадцать тысяч человек.

При заводе создано ПТУ — новое здание, новое общежитие. Обучается здесь 600 регарских парней со средним образованием. Практику проходят под руководством мастера электролизного цеха Анатолия Владимировича Иванова, в прошлом ленинградского инженера. Приехал сюда на пуск и остался. Почувствовал ответственность за новый завод, ответственность за обучение регарских парней тонкому, наисовременнейшему делу — электролизу алюминия. Сам предложил: «Буду у ребят наставником». ...Высоко по пролетам плывут комши, льется алюминий — сначала алой, потом розовой, потом быстро остывающей серебряной струей. Литейщик Саидбек Саидомаров специальной лопаткой снимает с него, еще горячего и жид-

кого, пленку. В конце сложного процесса — слитки, на каждом Знак качества — вот что значит самая передовая в алюминиевой промышленности технология!

Геолог Виктор Алексеевич Автономов шагает рядом с нами и сияет:

— А с выбором строительной площадки мы не оплошали, сами видите, завод стоит на галечнике, то есть на естественной да к тому же антисейсмичной подушке. Нулевой цикл при постройке был сведен до минимума. И корпуса тоже сейсмоустойчивые — легкие, гофрированные, из своего же алюминия. Хороший получается завод.

СЧАСТЬЕ ПЕРВОГО ШАГА

Далеко внизу остался Нурек, мы не заезжали туда. Едем вдоль берега рыжей речки Элок, туда, где высоко в горах есть кишлак Рогун, что по-русски значит «конец пути».

Вот и строительная площадка Рогунской ГЭС.

Евгений Павлович Карпов, главный инженер и технический руководитель стройки, сменил старый нурекский адрес на новый — рогунский.

И начальник КИП, то есть комплексно-исследовательской партии, Владимир Николаевич Ткаличев тоже приехал из Нурека.

КИП работает здесь давно. Сначала она исследовала основание для Нурека, и вот уже десять лет изучает все, что станет впоследствии Рогунской ГЭС мощностью в три миллиона шестьсот тысяч киловатт. Часть партии осталась в Нуреке, они ведут наблюдение за «поведением» плотин, головное здания, тоннелей — словом, всех сооружений и коммуникаций. А здесь? Здесь ведь зона девятибальной сейсмичности: глаз да глаз нужен. Геологи исследуют место для подземного головного здания ГЭС, дно будущего водохранилища и, главное, узкую теснину, где опрокинутой пирамидой встанет плотина выше Нурекской — до 350 метров. Здесь строить настолько трудно, что даже изыскательскую дорогу к будущему створу ГЭС оказалось удобнее и выгоднее проложить в тоннеле под землей, чем в скалах. Геологи пришли сюда по овечьим тропам. Они нашли это ущелье, где ширина дна всего 40 метров, а верха — 240. У будущего нижнего бьефа разведали отличный карьер суглинков для строительного материала, у верхнего для этих же целей — галечник и камень. Там, где будет створ плотины, они подвесили мостик: подошли к нему по вышеупомянутому немудрым тропам с двух противоположных берегов Вахша, бросили друг другу и закрепили сначала обычную рыбацью леску, потом веревку, а потом уж стальные тросы и навели мостик. Он качается, гудит вода, свистит летящий в ущелье ветер, грозно нависают тяжелые скалы.

Счастливы те, кто сделал здесь первые шаги. И я, не без страха расклевываясь на мостике, счастлива хоть частичкой своей причастности... А для строителей Рогуна все это будни. Лишь завтрашний день — еще далекий и уже праздничный — заботит их.

— Вот здесь, где сейчас монтируются привезенные из Нурека блоки экскаваторов и прочих механизмов да эти наши домики стоят, здесь будет Рогунское водохранилище. Работы нам надолго хватит, — рассказывает опытный.

...Красиво, мощно, уверенно — помог опыт Нурека — разворачивается Рогунская стройка.

* * *

«...И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще не ясно различал» — все время вспоминалось очарование пушкинских строк. Казалось бы, какая связь? Но она была совсем прямой — через магические кристаллы минералов, через обычные изломы строительного камня, сквозь грани геологии — где деловитые, а где романтические, — я различала свободную даль будущего Таджикистана.

красота человеческая

Станислав КАЛИНИЧЕВ

ДОРОГА

По вагону прошли пограничники. Их было двое. Один через тамбур направился в соседний вагон, а другой спрыгнул с подножки, одернул вздувшуюся над ремнем шинель и что-то крикнул. Леа не видела, кому кричит молодой солдат, она стояла с ребенком на руках у окна, и ей был виден лишь кусочек насыпи у самого вагона. Поезд дернулся, и покрытый островками последнего снега редкий кустарник, что примыкал к насыпи, стал уходить в сторону. Вскоре показались первые станционные строения. Леа вернулась в купе. Анна и Роберто сидели на столике, а над ними склонился Семен, и все трое смотрели на подплывающий к окнам перрон и на людей, которые встречали поезд.

— Симон, мы, кажется, уже в России, — тихо сказала она.

Он услышал, повернул к ней исхудавшее лицо. В его черных глазах остановились слезы.

— Да, милая, мы в Советском Союзе.

К ним заглянул молодой майор из соседнего купе, с которым за эти сутки успел подружиться шестилетний Роберто.

— Ну что, мама миа, приехали? Вот и Брест! Она ни слова не понимала по-русски, но улыбнулась симпатичному майору и покивала головой:

— Брест, Брест...

Держа в одной руке ребенка, другой выводящая в коридор чемодан, она говорила тяжело дышавшему за ее спиной мужу:

— Два года мы уже в дороге. Святая мадонна, неужели она кончается?

Семен, протискиваясь по коридору с тюком и чемоданом в руках, отвечал ей по-итальянски:

— Это ты два года. А я уже больше десяти лет все домой еду.

...Леа Сорезина и Семен Лукашун познакомились давно, в Германии. Семена привезли туда, в Сандераус, избитого и оборванного. На ночь его, как и других советских, запирали в хлев, днем выпускали на работу. Вермахт давал хозяину рабов, а хозяин за это поставлял для солдат вермахта продукты. Леа и ее мать приехали в Германию на заработки. Добровольно.

Но если посудить здраво — кто это поедет добровольно из родного дома, оставив там мужа и троих детей, как это сделала мама? Кто это добровольно повезет на каторгу за тысячу верст родную дочь, которой еще и пятнадцати лет не исполнилось? Просто дома нечего было есть, а в родном селении Сан-Бенедетто-По, что на севере Италии, негде было заработать. Своей земли они не имели. И если отец и брат иногда получали случайную работу, то остальные считались нахлебниками. Чтобы не умирать с голоду всем, кому-то надо было уехать.

Так они оказались вдали от родины, чтобы работать от зари до зари и получать за это тарелку брюнвенного супа, чашку морковного кофе и кусок хлеба.

Горе сближает, как, впрочем, и настоящая радость. Семен и Леа полюбили друг друга и летом сорон пятого, после своего освобождения, поженились.

В Сандераус пришли американцы, поэтому выехать в Италию было намного проще, чем в Советский Союз. Но не это определило их выбор. Мама сказала, что или она возвратится домой с дочерью, как и уезжала, или умрет. И они поехали в Италию.

В сорок шестом у них родился Джаномо-Роберто. С хлопотами о выезде в Советский Союз решили повременить. Через два года родилась Анна-Мария... Но дальше откладывать отъезд Семену стало невмoguто. Он пошел в полицию за разрешением. Потом пошел еще раз. Потом еще и еще. Он отпрашивался с работы, ездил в Милан. Ему говорили: «Придите через неделю», «Придите через месяц», «Наведайтесь после лета».

Словом, так прошел не один год. Семен совсем измотался, изверился. Он осунулся, в его больших глазах поселилась неистребимая тоска. Наконец — это было в пятьдесят первом — пришли долгожданные бумаги. К этому времени Леа родила третьего ребенка — Лию. И хоть

малой было всего два месяца, ехать решили немедленно.

Семен даже посветлел лицом. С хорошим настроением и тяготы дороги можно не замечать. Так они доехали до Дрездена, где предстояло пересечь уже в советский поезд. И тут выяснилось, что документы на въезд оформлены только на Семена... Ей с детьми следовало возвращаться в Италию.

И вся семья почти на два года застряла в Дрездене. В советском посольстве Семену объяснили:

— Поймите, такие документы не оформляются в одной стране. Итальянская сторона предоставила документы на вас, вы и получили визу на въезд. А чтобы ехала семья — это опять обе стороны должны оформлять необходимые бумаги.

Правда, сотрудники консульства помогли им устроить Роберто и Анну в детский сад, Лию — в ясли, Семену и его жене дали возможность работать на заводе. Временно. Но это «временно» тянулось так долго, так долго, что Леа, не веря в успех официальных хлопот, написала личное письмо Сталину. Отчаявшийся Семен окончательно сдал, и его положили в больницу.

И вдруг пришли документы. Все необходимое для въезда в Советский Союз. На всю семью. Узнав об этом, Семен попросил принести ему одежду и в тот же день ушел из больницы. И вот они в Бресте.

Здесь они пересели в другой поезд, но Семену становилось все хуже. Сколько она его знала, у Семена всегда что-то болело внутри. Когда его забирали в Германию из родного села, он пытался бежать. Его поймали и жестоко били. С тех пор он так и не смог избавиться от болей в животе.

рук стаканчик, выпила и поднялась на второй этаж, чтобы узнать о смерти Семена.

Его похоронили там же, в Гродно. И осталась она с тремя детьми — шести, четырех и двух лет от роду, — одна в чужой стране, без языка и без денег.

ОСИТНА

Пожилая медсестра и доктор долго объясняли ей что-то, сестра тыкала пальцем в бумаги Семена, где были адреса и письма, жестикулировала, как она писала кому-то.

Леа поняла одно: эти люди добрые, и доверилась их заботам, потому что в первые дни после смерти мужа ни думать, ни принимать каких-либо решений не могла.

Только боялась за детей: чтобы не забрали их, не рассовали по приютам. Даже за водой ходила с ними. На одной руке — Лиля, в другой руке — ведро, справа за подол держится Роберто, слева — Анна. Вот так, с тремя младенцами и ведром, ее и увидел посланный за ней больничный сторож.

— Свекровь за тобою приехала и деверь тоже! Деверь, говорю, со свекровью за вами приехали! Бедная, нешто таких простых слов не понять?

И поехали они от Гродно до Киева, потом от Киева до Умани — поездом, дальше до села Синица — автомашиной, а уж от Синицы до Оситны — подводой, по нескончаемым полям

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

В Гродно пришли санитары и отнесли Семена, потерявшего сознание, в больницу. Ей с детьми отвели какую-то комнатку, где они провели тревожную ночь, потом день, потом еще ночь. К Семену не пускали.

Утром Леа снова была в приемном покое. Пожилая медсестра с печальным лицом и ласковыми руками заботливо усадила ее, жестом попросила немного подождать, вышла и вскоре вернулась со стаканчиком и флаконом. Напила что-то в стаканчик и протянула ей.

Леа отрицательно покачала головой.

— Ну выпей, это же ничего страшного, — заволаговалась почему-то медсестра, руки ее дрожали, — выпей, это хорошо. Хочешь, я сама выпью, а потом тебе налью? Смотри...

И она выпила, а потом снова налила из того же флакона.

Леа ни слова не поняла из того, что говорила женщина, но поняла другое, то, чего эта женщина пока не хотела говорить. Взяла из ее

и хлябям. Лошади выбивались из сил, а колеса еле-еле проворачивались, ныряли по самым ступицам. И показала ей эта дорога меж селами более длинной, чем от Милана до Бреста.

Поселились они у свекрови. Очень много помог на первых порах Иван — старший брат Семена. Но дни, которые принято называть первыми и которые как бы дают отсрочку от принятия решений, уплывали, а она в тысячу первый раз обдумывала, что делать дальше, и ничего придумать не могла. Хотела она не многого: сохранить детей при себе и не умереть с голоду.

Леа не знала советских законов, не представляла себе демократичности самоуправления в колхозном селе. Не знала она, что все ее хлопоты в ближайшие десять лет будут мудры, как говорят, по-людски, разрешаться здесь, в сельском Совете и в колхозном правлении. Уже в те мартовские дни председатель

колхоза Федор Никитович Козачинский и председатель сельсовета Василий Иванович Анисимов думали об ее устройстве, говорили меж собой, а потом один на правлении, а другой в Совете решали, как поступить с итальянкой, чтобы все было справедливо и по-доброму.

Работу предложили ей не из легких: молодая, крепкая и вон какую семью прокормить должна. Старших детей определили в детский садик колхоза тут же. А с младшей предложили посидеть бабушке. Пока. Там, мол, будет видно...

Стала Леа свинаркой. Ее привели на ферму, показали рабочее место. Одна из женщин пошла и спросила:

— Зовут-то как? Не понимаешь... Вот я — Антонина, Тоня. — Приложила ладонь к груди. — А тебя?

— Леа.

— Леа... Гм. Выходит по-нашему — Олэна. А батка как звали? Ну, папа у тебя был?

— Пьетро.

— От и будешь Олэна Пэтривна Лукашук. Работавшие рядом свинарки Антонина Антоновна Сажиевко и Мария Николаевна Паламарчук недели полторы опекали Елену Петровну, учили ее, что и как надо делать.

— Подсвинки что хочешь сожрут, а к сосункам надо относиться, как к детям. Новорожденных тут же забрать из клетки, а то свинья может съесть...

Елена Петровна до сих пор помнит выраже-

пятьсот трудодней. Получила за это, кроме денежной оплаты, почти тонну хлеба, овощи, картошку.

За детей с нее так ничего и не взяли. Но теперь она знала язык настолько, что смогла понять: в колхозе детский сад бесплатный, как и питание детей в школе (Роберто пошел в первый класс), как обеды в поле... Ей и многое другое казалось необычным. Особенно то, как свободно и непринужденно вели себя простые люди. Они говорили про работу фермы или покупку колхозом автомобилей, будто о своих домашних делах, о покупке стула для своей хаты.

На колхозном собрании можно было поругать даже председателя, можно было поспорить, сколько выдать на трудодень деньгами, а сколько — хлебом, строить ли мастерские в этом году или еще повременить... Очень живая, бойкая по натуре, она сидела немного растерянная. Кто-то из подруг толкнул ее в бок.

— А ты почему не голосуешь?

— Зачем?

— Чудачка, тебе разве все равно, ферму будут строить или мастерские? Вот и твоя рука: или «за», или «против» — как считаешь нужным. Ты же не в кино пришла.

И так стала она заправской колхозницей — Елена Петровна Лукашук. Старшие оба уже ходили в школу, Иван, брат ее покойного мужа, построил себе новый дом и отдал ей с детьми свое старое жилье, рядом с матерью.

А в начале 1956 года в ее доме появился Федор Яковлевич — серьезный мужчина с добрыми, задумчивыми глазами. В ночь под рождество он принес им, как тут говорят, «вечерю»: белые калачи и пиво местной варки. Они поженились.

Больше всего ее радовало то, что Федора Яковлевича сразу и безоговорочно полюбили дети. Младшая — Лия — первой стала называть его папой, за ней Аня, а потом и стройный черноглазый подросток — Роберто. Никто их не заставлял. Так получилось само собой. Просто он полюбил их. И какой бы, придя с работы, ни был усталый, возился с ними — кого катал на себе, кому мастерил игрушки, и сам при этом становился похожим на ребенка.

И задумали они всей семьей строить новый дом. В сельском Совете рассмотрели заявление Федора Яковлевича и выделили участок на взгорке, метрах в двухстах от самого центра села, под яблоневым садом колхоза, впритык к нему.

Строили быстро: колхоз помогал, родичи помогали, а несколько раз приходили пособить соседи со всей улицы. Такой здесь обычай: приходите всем миром на помощь тому, кто строит новый дом. В иные годы Елена Петровна и сама помогала соседям. А Федор Яковлевич и того чаще — ведь по профессии он был плотник.

Коля, ее четвертый ребенок, родился уже в новом доме.

Из Италии иногда приходили письма. Отец писал, что мама часто плачет, вспоминая ее, вспоминая, как в Германии вместе горе мыкали, и очень хочет хоть один раз повидаться с нею.

— Ну что же, поезжай, проведай родных, — сказал Федор Яковлевич.

— Дороговато, — все еще колебалась она. — Одна дорога больше четырехсот рублей стоит, да и вообще...

— Разве мы такие бедные? Роберто уже сам в колхозе зарабатывает. И за детей не волнуйся. Девочки наши самостоятельные, вдвоем они за Колькой присмотрят.

Но Елену Петровну смущало и другое. Она вспомнила, сколько крови и Семену и ей стоило оформление документов там, какими помощниками были они перед недостижимыми для них чиновниками. А вдруг там придерутся к какой-нибудь бумажке — кто тогда ей поможет?

— Хорошо, — сказала она мужу, — я поеду. Только сначала мне надо стать гражданкой СССР. Я там буду себя уверенней чувствовать.

Это было в 1964 году.

ПРАЗДНИК

— Вам повезло, — сказал мне нынешний председатель оситнянского колхоза «Маяк»

Иван Иосипович Франчук, — завтра у нее большой сабантуй будет.

— Не понял, у кого и по какому поводу? — переспросил я.

— У итальянки нашей, у Елены Петровны (здесь все говорят «у Олэны Пэтривны»). А все же ей завтра пятьдесят рокив. Все родичи соберутся. А сегодня на ферме у доярок только и разговоров. Всей бригадой к ней в гости приедут. Она ведь уже несколько лет дояркой работает. Одна из лучших.

Иван Иосипович и секретарь парторганизации колхоза Валентина Адамовна Золотарь рассказали о своих сельских делах. Их хозяйство, где равноправным членом стала Елена Петровна Лукашук — Леа Сорезина, небольшое, но по тому, сколько они продают государству хлеба, молока, мяса, гречихи, могут поспорить со многими средними, и не только средними, колхозами.

Меня, естественно, интересовали не только успехи колхоза, но и судьба Елены Петровны и ее детей. Я спросил, какую помощь оказывал им колхоз и местные органы власти.

— Зачем же ей помогать? — искренне удивились мои собеседники.

— Из милости ей никто ничего не давал, — пояснил Франчук. — Она вступила в колхоз, поселилась в Оситне, честно работала и за это пользовалась такими же правами, как и все, имела такие же льготы, как и ее подруги.

— А за хорошую работу на ферме, — сказала Валентина Адамовна, — Елена Петровна одной из первых в области награждена орденом Трудовой Славы. Кстати, по дороге с работы она должна зайти сюда, в бухгалтерию. Пригласить?

Я рассудил, что если завтра к ней в гости собирается чуть ли не весь коллектив молочно-товарной фермы, то с разговором надо поспешить.

Елена Петровна вошла в кабинет парторга быстрой, легкой походкой. Чуть склонив голову набок, выпалила скороговорочкой по-украински:

— Мэни в бухгалтерии казали, щоб я до вас пиднялася — так я вас слухаю.

Она хорошо говорит по-украински, бойко, иногда ввернет поговорочку с такой характерной интонацией — заслушаешься. Прошу ее рассказать о своей сегодняшней жизни, о детях.

— А из детей со мною только меньшенький остался, Коля... — Вдруг улыбается ярко, лукаво. — Самый маленький, а на две головы выше меня. Весной пойдет в армию служить. Вот вдвоем с ним и живем. Отец-то его помер давно уж, когда Коле десять лет было. Сердце отказало. Совсем немного не дождался внуков. А детей очень любил. Как бы он внукам радовался — их у меня уже пятеро!

Спросил, не бывала ли она в Италии после 1964 года.

— В прошлом году ездила. Мой папа умер в начале года. Когда я узнала, на похороны уже поздно было. И загрузила. Маму жалко стало. А подруги говорят: поезжай! Но как, думаю: это же билет сколько стоит, да другие расходы... Тогда наш завфермой Сергей Яковлевич Яцюк говорит: у нас в колхозе итальянцев немного — ты, да ты, да еще раз ты и никого больше. Работашь, говорит, хорошо — попроси помощи у правления. Я так думаю, говорит, что должны поощрить. Написала я заявление, а сумму, сколько прошу, не указала — постеснялась. И хорошо получилось. Вызывает меня Иван Иосипович и говорит, что правление решило дать мне безвозмездную помощь на поездку к родным — пятьсот рублей.

— Интересная была поездка?

— Печальная. Ни мама, ни сестры, ни брат не живут в родном селе.

— А уезжать не было больно?

— Мне чиновник предлагал там остаться — ну, который паспорт отмечал. Мы, говорит, разрешим, сколько хотите. А мне уж очень домой захотелось. Вот нет там чего-то нашего. Даже объяснить не могу... Тут я в каждую хату войду как своя. И ко мне любой из соседей может прийти...

— Расскажите о детях, — попросил я.

— Роберто в Чернассах живет. У них с Ниной (она тоже из Оситны) двое детей — Анжела и Сергейко. Нина медсестрой работает, а Роберто водит пассажирские автобусы из Чер-

Елена Петровна Лукашук.

ния лиц этих женщин и их руки. Не понимая языка, она больше понимала по выражениям лиц и по тому, что и как делали проворные руки. Постепенно она освоилась с работой, полюбила ее.

Но не давал покоя другой вопрос: двое старших детей целый день на полном пансионе — их кормят, учат, за ними ухаживают. Они и языку стали учиться быстрее матери. Прошел месяц, и Елена Петровна уже могла кое-как объясняться по-украински. Зайдя однажды вечером в детсад, спросила у заведующей, сколько причитается с нее за детей. Та рассмеялась: «Ничего».

Ей, правда, и за работу пока что ничего не заплатили. Выдали продукты: зерно, масло, картошку. «Может быть, у них свои расчеты? — думала она. — За работу записывают, за детей списывают? А мне потом покажут результаты?»

И она старалась. До конца года выработала

насс в Киев, Харьков, Одессу. В прошлом году они трехкомнатную квартиру получили... Там же, в Черкассах, и Аня. Она пединститут окончила, преподает в школе украинский язык. А муж ее — Коля Бондар, тоже из нашего села, он инженер. В Киеве институт окончил. У них сын Юра. Они тоже недавно получили новую квартиру...

— А как Лия?
— В Кузьминой Гребле. Это село рядом с нашим. С Лией вы сами сможете встретиться. Сегодня четверг — киношный день. Ее муж, Лёня Гандзюк, киномеханик. На два села. Один день в Кузьминой Гребле показывает картину, а на второй день в Оситне. Она ему вечером помогает. А вообще она доярка, как и я. Даже соревнуемся. Так вы поговорите с нею, а то мне некогда: тесто сбежит, да и холодец разлитый пора...

До начала сеанса оставалось время, и я обошел сельский Дом культуры, заглянул в садик, где, убранный цветами, висит обелиск в честь односельчан, погибших в боях за Родину. В светлом фойе Дома культуры на больших щитах смонтированы их портреты с краткими сведениями: фамилия, имя, отчество, где и когда погиб, в каком чине и в каких войсках служил. Много одинаковых фамилий: Оситнянко, Розизнаний, Сажиевко... Впрочем, можно найти там любую из фамилий, ранее упомянутых в этом очерке. По отчествам и датам рождения определяю: вот трое — родные братья, вот отец с сыновьями.

А на другой стороне оформлен стенд с портретами лучших людей сегодняшней Оситны. Среди них в правом верхнем углу отыскал и Елену Петровну Лукашук.

Вот за этим занятием меня и застала Лия Семеновна — ее младшая дочь.

— Уже освободилась, — сказала она. — Билеты продала, людей впустила, фильм начался. Можно и поговорить.

Я пытался узнать, как чувствовали себя дети, приехавшие из другой страны, как к ним относились в детсаду, на улице, в школе. Ведь в селе биография каждого — как на ладони. Лия меня не понимала. Крепкая сельская молодница, она смотрела на меня удивленными глазами: какая разница, что мы, что кто-то?

— Вы не собираетесь вообще перейти на работу в клуб? — спросил я. — Вас тут как хозяйку все знают.

— Не-е... Это мой новый дом с мужем строили, так деньги очень нужны были. Ну и стала ему помогать. А теперь по привычке, да и веселее вдвоем. А ферму не брошу. Мне нравится. Вон в городе собачек заводят, чтобы с каким-то животным дружить. А мои коровы все умницы и красавицы. Другая доярка придет — и головы не повернут. Чужая. А когда я только дверь в коровник открываю, они и мычат, и ластятся, только что здравствуй не говорят. В прошлом году по наядо от каждой коровы я маму обогнала. Не на много, но обогнала.

— Дом вы достроили?
— Ага. Большой, из белого кирпича, под цинковой крышей. Мебельные гарнитуры купили. Приходите в гости — увидите.

— И дети у вас есть?
— Руслан и Людмила, четыре года и шесть. Мы все трое в один год свадьбы играли. Сначала Роберто женился, через четыре месяца вышла замуж Аня, а сразу за нею и я. Вот маме было хлопот!

...На следующее утро я пришел домой к Елене Петровне, чтобы поздравить ее с днем рождения. В доме было натоплено, дышала жаром огромная печь, откуда хозяйка вынимала высокие белые домашние караваи — запах горячего хлеба встретил меня еще у ворот.

Стряпать Елене Петровне помогала соседка Надя Розизнана. В дальнем углу на койке под грудой одеял кто-то спал. Перехватив мой взгляд, хозяйка сказала:

— То Коля. Гулял поздно — парубок. Теперь хоть из пушки стреляй, пока не выспится — не разбудишь.

В это время Надя, взглянув в окно, сказала:

— Посмотри, Роберт и Аня приехали!

При этих словах из груды одеял выскочил здоровый парень в тельняшке — младшенький Коля. И не понадобилась пушка, чтобы будить его. Братья обнимались, награждая друг друга добродушными тумакми.

Потом все трое — и Роберто, и Аня, и Коля — рассказывали мне о себе, о своей маме. Но все чаще и чаще кто-то из них отвлекался. Надо было помочь женщинам что-то принести, кого-то позвать. Вскоре должна была прийти и Лия с мужем и детьми, уличное «радио» передало, что собираются к ним в гости и из колхозного правления...

В доме Елены Петровны Лукашук и ее детей начинался праздник.

Село Оситна на Черкасщине.

ПО МУЗЕЯМ СТРАНЫ

БОЛЬШАЯ ДУША МАЛЕНЬКОГО ДОМА

Музей этот и правда совсем маленький: шесть залов, как они здесь пышно именуются. Это бывшая дача Н. А. Ярошенко. Нынче Кисловодскому художественному музею, собравшему уже около полутора тысяч экспонатов, становится здесь тесновато. Не найдется, пожалуй, в Кисловодске человека, который не посетил бы музей хотя бы раз. А многие возвращаются сюда снова и снова. Приходят не единожды, чтобы взглянуть на новые, интереснейшие приобретения музея, систематический поиск которых в течение многих лет ведет директор В. В. Секлюцкий. Он и сам талантливый художник, поистине одержимый творчеством Ярошенко, замечательного русского живописца-передвижника.

Бесценна в полном смысле слова одна из многих находок Владимира Вячеславовича Секлюцкого — большой портрет

Салтыкова-Щедрина. Подолгу стоят посетители возле этой картины, на которой изображен человек необычайной внутренней силы, мыслитель-титан.

В. В. Стасов писал в свое время об этой работе Николая Александровича Ярошенко, что портрет «по письму, а еще более по глубине и правдивости выражения превосходит, мне кажется, все портреты, когда-либо писанные этим художником. Наш знаменитый писатель представлен со всей той глубиной психологии и страданием за себя и за других, которыми дышат последние его сочинения и которыми он потрясает все сердца».

Портрет был похищен с выставки передвижников в 1887 году и считался безвозвратно погибшим. В. В. Секлюцкий отыскал его в Харькове.

— Как же это случилось? — спрашиваю у Владимира Вячеславовича.

— Однажды после моей лекции о творчестве Ярошенко ко мне обратился посетитель: «А знаете, я слышал, что где-то в Харькове есть произведение Ярошенко...» Сразу же я собрался и поехал, не надеясь в общем-то, что увижу подлинник. Терпеливо веду розыск... В доме на окраине Харькова из старинного комода в ответ на мои расспросы вынимают большой пакет из холстины. Под ним — наволочка. А под

КЛИНСКИЕ НАХОДКИ

П. И. Чайковский.
Прием по понедельникам
и четвергам
от 3 до 5 ч.
Дома нет. Просят не звонить.

Все это читаем на медной, хорошо начищенной дощечке. Но она не останавливает посетителей нынешних, которые идут и идут сюда, и как раз в «неприемные» дни и часы... В любимом клинском доме композитора представлена богатая экспозиция, являющаяся, впрочем, собором всего лишь небольшую часть фондов, пополняющихся все новыми находками... И если одни из них вызывают споры, сомнения, то другие становятся безоговорочным богатством дома в Клину.

Передо мной первый клавир

оперы «Евгений Онегин». Время состарило, истончило хрупкие листы бумаги, сгладило очертания некогда четких, крупных букв. Но сразу узнается энергичный почерк Чайковского, сделавшего дарственную надпись Николаю Дмитриевичу Кашкину — музыканту, другу, критику, чьим мнением Петр Ильич весьма дорожил.

«Еще ни с кем почти не познакомился, но довольно коротко уже сошелся с неким Кашкиным, приятелем Лароша, очень хорошим музыкантом», — писал композитор из Москвы в январе 1866 года своим братьям. Неизвестный еще тогда, молодой Чайковский нуждался в добрых, чутких друзьях, которые понимали бы его. Кашкину посчастливилось: он стал таким другом Чайковского, веря в необычайный талант, тонко чувствуя душу музыканта... Ему то и дарит композитор клавир новой оперы осенью 1878 года.

Первый клавир «Евгения Онегина» представляет для музыковедов большой интерес. Здесь есть некоторые расхождения с последующими редакциями: по ним можно судить, в каком направлении шла даль-

РАДИ ЧЕГО СУЩЕСТВУЕТ ТЕАТР...

Ощущение было такое, будто я провел учебный день в театре — и не только в зрительном зале, на спектакле, но даже на художественном совете, на репетиции, в театральном музее... А ведь на вывеске над дверью нового здания, где я находился, было ясно обозначено: средняя школа № 9, г. Дмитров, Московская область.

Входят и выходят ученики, учителя... Идут уроки... В общем, школа с виду ничем не отличается от других. Такой она мне показалась, когда я пришел. Зато потом, когда уходил, все впечатления изменились. Все стало удивительным и необычным за те часы, что я пробыл в стенах этой школы... Началось же все с того, что учительница химии Тамара Матвеевна Яворовская достала с витрины школьного музея большой альбом. Страницы были бережно укрыты папиросной бумагой, сквозь нее виднелись фотографии... Тамара Матвеевна осторожно приподняла и опускала нежные прокладки, переворачивала страницы... Сначала я увидел Мурманский

Актриса МХАТа Г. И. Калининская подписывает автографы школьникам из Дмитрова.

порт: залив, сопки, суда у причалов. И вот один из тепловозов — «Алла Тарасова». В январе 1976 года он сошел со ступеней югославских судоверфей и взял курс на Мурманск, а первыми его гостями были ребята из Дмитрова... Почему?... Откуда возникли эти связи?... Оказывается, их средоточием опять-таки является театр, а еще точнее, замечательная актриса МХАТа Алла Константи-

Портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ней — портрет. Вижу строгое, скорбное и величественное лицо: огромный лоб, исполненные печали и высокой думы глаза... Это шедевр русской портретной живописи.

Но портрет Салтыкова-Щедрина далеко не единственная находка. В экспозиции чудесная жанровая картина «Хор» — большое полотно, написанное Н. А. Ярошенко в Кисловодске. Среди поющих мальчишек один был взят с натуры; он долго приходил в музей уже в советские годы. Картина эта найдена Секлюцием у родственников великого русского физиолога Павлова.

Пожалуй, и не перечислишь все интересные приобретения музея. Нельзя, однако, не упомянуть о картине «Любимый художник Ленина» В. Мариупольского. Владимир Ильич держит в руках репродукцию знаменитой ярошенковской картины «Всюду жизнь», вошедшей в историю русского искусства как предвестие неотвратимого, подобно прилету весенних птиц, надвигающейся революции...

Маленькому (по размерам), но огромному по идейному значению музею Ярошенко исполнилось в нынешнем году пятнадцать лет. Срок небольшой. Но за ним — годы и годы упорного, вдохновенного труда В. В. Секлюцкого и юных его помощников — экскурсоводов да и всех добровольных энтузиастов, влюбленных в творчество великого художника России.

Н. ТОЛЧЕНОВА

нейшая работа композитора над оперой.

С годами растет слава и авторитет Чайковского, его музыку знают и любят не только в России... Недавно в ГДР найдено загадочное письмо, написанное по-немецки, без обращения; внизу дата: 15 марта 1888 года, а подпись сделана на чешском языке. В письме говорится о симфонии Шуберта; автор письма, предполагается, Петр Ильич, советует показать симфонию Дворжаку или Брамсу. Адресат неизвестен, как, впрочем, не доказано и авторство Чайковского... Разгадывает все эти тайны профессор Гарри Гольдшмидт из ГДР; его сообщения с нетерпением ждут сотрудники музея.

Они показали мне еще одну из своих недавних находок: это старинная пепельница, видимо, принадлежавшая композитору. За ней целая история... Представим себе яркое октябрьское утро 1893 года; солнце пронизывает сквозь полуобнаженные кроны деревьев, рисует ажурные тени на полу террасы, где стоит и курит Петр Ильич, молча прощаясь с милым его сердцу клинским домом и парком.

Зима предстояла интересная: постановка «Иоланты» в Большом театре, концерты в Петербурге, гастроли во Франкфурте, Гельсингфорсе, Лондоне... Но уезжать все равно не хотелось.

Крестьяне, узнав об отъезде Петра Ильича, пришли прощаться, и Чайковский пожелал хоть что-нибудь оставить на память. Но что? Вот пепельница. Она необычна и забавна — словно сапоги маленького человека, аккуратно поставленные рядом. Петр Ильич протянул подарок одному из своих посетителей...

Минуло 50 лет. Сколько же грозных и сложных событий пронеслось над нашей землей! В Клину стояли части Советской Армии. В дни войны солдатам случалось помогать жителям по хозяйству, делиться небогатым провиантом. В благодарность за помощь один из солдат получил заветный подарок — пепельницу Чайковского.

Тридцать лет берег москвич инженер Климов хрупкую вещь. Недавно она была передана им в Клинский музей.

А. ЗВЯГИНА

новна Тарасова, с которой тесно дружили дмитровские школьники.

Об этой дружбе, которая началась в ту пору, когда Тамаре Матвеевне только еще предстояло стать педагогом в Дмитрове, рассказывают вырезки из газет, воспоминания актеров и учеников старших классов. Для них дружба с мхатовцами, как и горячая любовь к театру, тоже стала дорогой традицией. Больше того, старшеклассники сумели и малышей познакомить с артистами театра, приохотить к искусству...

Учебный день закончился. В классах тишина, но в одной из школьных комнат работают энтузиасты — Марина Журенкова, Игорь Родченков, Лена Омельченко, Володя Танасюк, Надя Варламова... Они оформляют новые стенды для театрального музея: рисуют, подклеивают фотографии. На снимках — сцены из спектаклей МХАТа. Я читаю названия пьес, вижу знакомые фамилии артистов... И слышу, что ребята говорят о них как о людях, хорошо и близко им известных. Они виде-

ли актеров на сцене, знают их работы, а со многими встречались и у себя в школе, на вечерах дружбы с театром...

Волоча за собою по полу портфель, в комнату зашел малыш-первоклассник Олег Торцов; ни на кого не обращая внимания, протиснулся к стенду, начал рассматривать фотографии из спектаклей «На дне», «Враги»... Видимо, не нашел для себя ничего интересного и отошел, огорченный. Но старшие ребята сказали Олегу, чтобы он пришел через несколько дней. Тогда ему покажут фотографии из спектаклей «Синяя птица» и «Три толстяка». У Олега заблестели глаза. Он переспросил, когда ему можно прийти, подобрал свой портфель и ушел. А Тамара Матвеевна вгонку сказала: «Вот еще один будущий театрал».

Когда страна отмечала 60-летие МХАТа, приезжавшие в школу артисты поведали детям, как создавался театр, выступали со сцены. В конце вечера ребята подарили гостям электрифицированную карту «Гаст-

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Самарканд восторженно описывали летописцы. Великие поэты слагали о нем песни. Им восхищались путешественники и ученые как средоточием художественной и научной мысли, центром чудесных монументальных творений народных умельцев, искусных зодчих — творений, ставших в наши дни молчаливым, но могучим символом многовековой культуры древнего мира.

Однако ж слово «молчаливый», в самом звучании которого нам чудилась некая таинственность, нерешенная загадка, мы могли повторять лишь до недавнего времени. Пошел уже второй год тому, как застывшие, казалось, в вечном молчании расписные стены знаменитого архитектурного ансамбля на Регистане заговорили.

...Темнеет на улицах Самарканд. Сумрак подбирается к городу, окутывая его невесомой, но плотной завесой. И вдруг будто тысячи изумрудных, белых, красно-желтых солнц взрывают темноту на пути к Регистану, центру города. Всколыхнувшись от долгого сна и возвещая о своем пробуждении торжественной и немного печальной музыкой, «оживает» медресе Улугбека. За ним — другое, третье... И вся эта громада, вся эта «каменная летопись веков» сама начинает вслух «расшифровывать» замысловатые письмена, отчеканенные на стенах медресе, повествуя живым человеческим голосом о своей судьбе, о судьбе народа. Войны и разбуха, создание, мирные свершения возникают в воображении пораженного слушателя и зрителя.

Словно тени давно ушедших из этого мира людей скользят перед нами. Благодаря эффек-

тому мерцанию огней их, кажется, даже начинаешь видеть вьвь. Тени добра и зла, вечно сражающиеся между собой, — грозные, мудрые, великодушные... «Не золото, а мудрость — путеводная звезда!» — взывают строгие минареты. К миру, которого всегда так не хватало людям на их тернистом историческом пути, призывают лазурные своды храмов человеческого Разума.

Полчаса длится этот спектакль. Поставил его режиссер Олег Узakov, выпускник ГИТИСа, ныне работающий в Театре имени Навои.

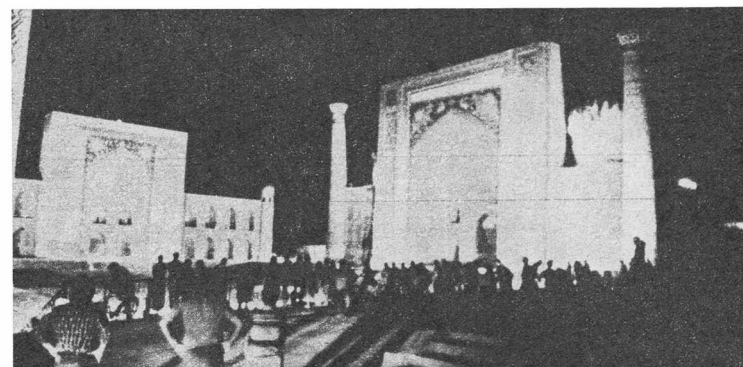
— Для меня, — говорит он, — это был необычный режиссерский дебют. Честно говоря, я растерялся, когда Министерством культуры республики предложило мне поставить светозвуконанораму «Сердце древнего Самарканд». Ведь в моем «спектакле» должны были участвовать не живые артисты, а памятники...

Олег Узakov сочинил и стихи для спектакля и партитуру света. Музыку написал Мирседик Таджиев. Оформлять площадь помогали все жители Самарканд. А в техническом оснащении панорамы, от которого, собственно, и зависел успех замысла молодого режиссера (аппаратура, звукозапись и так далее), участвовали предприятия Москвы, Киева, Ленинграда, Брянска, Праги...

Остается только сказать, что в Узбекистане намечено осуществить подобные светозвуконанорамы — или, иными словами, путешествия в прошлое длиною в две с половиной тысячи лет — еще и в Бухаре и Хиве.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото В. Сваричевского

роли МХАТа за 60 лет». Карта была сделана с большим старанием. Артисты и удивились такому подарку и поняли, что школьники интересуют не только историей театра, но вся его жизнь — вчерашняя, сегодняшняя и завтрашняя.

В школу приезжали и моряки Мурманского пароходства. Они рассказали, что и на теплоходе «Алла Тарасова» тоже теперь есть судовой театральный музей. Школьники передали морякам для их музея редкие фотографии Аллы Константиновны, театральные афиши, рассказали о том, что видели на сцене МХАТа. Школа аккуратно получает газету Мурманского пароходства «Арктическая звезда».

— Дружба школьников с театром... Не ведет ли она к тому, что ученики только и мечтают стать актерами?..

— Да вовсе нет, — ответила мне. — Эта дружба имеет глубокие нравственные корни. Она обращена к душе и сердцу подрастающего человека, учит его пониманию жизни, прививает

более широкий, творческий, созидательный интерес к окружающей действительности. Так именно начиналась дружба Тамары Матвеевны с А. К. Тарасовой в ту давнюю пору, когда Тамара только еще мечтала стать учительницей... Этой-то удивительной дружбе во многом обязана школа высоким интересом к театру, всем своим прекрасным духовным климатом...

Ученица 7-го класса Оля Кострова на мой вопрос «Кем ты хочешь работать, когда вырастешь?» ответила, не задумываясь: «Учительницей». Видно, давным-давно она решила для себя эту проблему... Андрей Башилов в ответ на такой же вопрос перечислил несколько профессий, которые его интересуют... Кажется, никто из ребят не сказал: «Хочу быть артистом». Хотя кто-нибудь из них уж наверняка артистом станет! Все эти ребята талантливы.

Наверное, ради этого и существует театр.

В. ЛАЗУРКИН

Е. П. Сербез возглавляет колхоз «Победа».

Какой же вечер без песни!

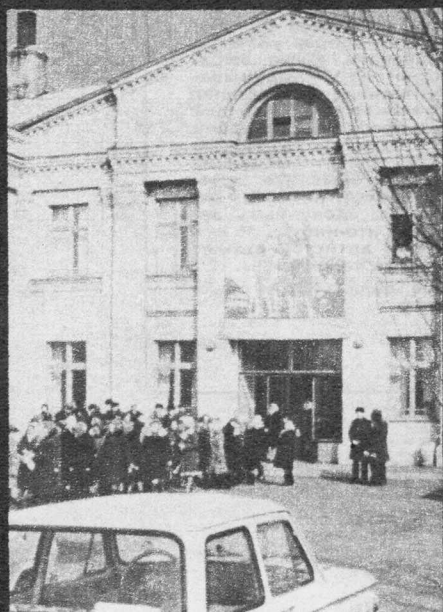

В числе гостей была и студентка-медичка Рабия Хатун из Бангладеш.

В детсаду сегодня гости: Т. А. Пономарева и Герой Социалистического Труда В. М. Захаренко.

Здесь проходила встреча.

ЭТОТ ПАМ ВЕЧ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Е

сли подходить к факту строго, события не было: просто в один из выходных вечеров в районном Доме культуры проводилась встреча передовиков труда. Это было, казалось бы, торжество без повода, без особых на то причин. Впрочем, почему без повода! Разве ежедневный напряженный труд человека не может сам по себе стать причиной для праздника, поводом к разговору! Таким был тот вечер — чествование ударников, урок для молодежи и хороший отдых для всех собравшихся здесь тружеников Куйбышевского района, Запорожской области.

Райком и газета «Индустриальное Запорожье» пригласили на вечер гостей: московскую поэтессу и киносценариста Т. А. Пономареву, доктора биологических наук, заведующую лабораторией биохимии Института геронтологии АМН СССР Л. Н. Богацкую и подполковника в отставке М. А. Роменскую.

Успеху вечера помогло и то, что посвятили мы его женщинам. Зал, словно приняв эстафету у весны, расцвел яркими, пестрыми красками праздничных нарядов. И в этой радуге — блеск орденов, медалей, почетных значков. Около пятисот знатных женщин района собралось здесь в тот вечер. Говоря о лучших, надо, конечно, в первую очередь назвать гордость куйбышевцев — Героев Социалистического Труда колхозницу М. З. Володову, птичницу Е. Г. Запороженку, свинарку В. М. Захаренко. Нельзя не упомянуть и о дважды орденоснице доярке колхоза «Украина» Е. Т. Борщ, взявшей в этом году обязательство надоем от каждой коровы по четыре тонны молока.

Труд на полях и на фермах, домашние хлопоты, воспитание детей, общественная работа — мало ли забот сегодня у наших женщин!.. То одной, то другой своей гранью представала на вечере многообразная деятельность тружениц. А потом звучали со сце-

Ирина Щербань учится в восьмом классе.

**ЯТНЫЙ
ЕР...**

Знатные колхозницы района.

В ДОЛГУ НЕОПЛАТНОМ

В 1976 ГОДУ СВЫШЕ 45 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК ПОЛУЧАЛИ В СССР ПЕНСИИ И ПОСОБИЯ.

В СВЯЗИ С 30-ЛЕТИЕМ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ БЫЛО УЛУЧШЕНО ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЕЙ ПОГИБШИХ ВОИНОВ И ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ.

...Сына арестовали фашисты в октябре сорок третьего. Домой он больше не вернулся. Ни в пору войны, ни после. Мать осталась одна. Совсем одна. Государство установило ей за сына — боевого участника минского подполья — пенсию. Более чем скромную: кто-то, хочется думать, ошибся при определении суммы. Больная, малограмотная женщина, она не добивалась пересмотра. Но об этом узнали люди, помогавшие ей управлять со всякими житейскими делами, и один из них пошел в Министерство социального обеспечения Белорусской ССР к заместителю министра (теперь он министр) Василию Ивановичу Лузгину.

— Напишите на мое имя то, о чем рассказали, — попросил Лузгин, — и мы сразу все решим.

— Да, но я не имею никаких официальных полномочий ходатайствовать... Просто считаю своим долгом помочь...

— Мы все полномочны!.. В сорок первом году мы получили полномочия драться за Родину, за ее свободу. Теперь у нас у всех полномочия до конца оплатить за Победу.

Лузгин сказал так не ради красивого словца — бывший партизан, он знает, чего нам стоила победа над фашизмом. В считанные дни министерство действительно все решило. Размер пенсии увеличили, а также выдали матери погибшего подпольщика единовременное денежное пособие.

В Белоруссии отношение к трудным людским судьбам определилось уже тогда, когда война еще не ушла отсюда. Партизаны отдавали вдовам и солдаткам отбитый у врага скот; бойцы кормили из своих котелков осиротевшую малышку; выпрягали, чуть только позволяла обстановка, из солдатских повозок лошадей, чтобы вспахать приусадебный участок крестьянок, проводивших на фронт своих мужей.

Так повелось, и так ведется по сей день. Да и могло ли быть иначе на земле, где буквально на каждом шагу солдатские могилы, где, пожалуй, не найдешь дома, в котором бы до сих пор не скорбели по не вернувшимся с войны близким, да и может ли быть иначе в республике, где насчитывается более пятидесяти тысяч инвалидов войны и почти столько же семей погибших воинов, партизан, подпольщиков!

Для всех них делается очень многое. И с каждым годом все больше и быстрее.

В Гомеле действует комбинат надомного труда с шестью филиалами, чтобы инвалиды, способные и желающие работать, не искали, где и как применить свои силы; торгующие организации Минска доставляют инвалидам товары на дом. Подобные примеры являют и Витебск, и Могилев, и Гродно, и Брест...

Только за 1976 год улучшены жилищные условия 5465 семьям

инвалидов Великой Отечественной войны и семьям погибших; единовременная денежная помощь составила 194,2 тысячи рублей; на строительные нужды выделено 66 тысяч кубометров лесоматериалов и около миллиона листов кровельных материалов; выдано на 524,3 тысячи рублей медикаментов, 5653 путевки в санатории и — бесплатно — 3250 автомашин и 312 мотоциклов.

Еще в преддверии тридцатилетия великой Победы Центральный Комитет Компартии Белоруссии провел детальную проверку условий жизни инвалидов войны и семей павших воинов. Меры принимались незамедлительно. Пришлось держать ответ тем, кто забыл, что черствость, бюрократизм, невнимание к защитникам Родины непростительны в нашем обществе.

Людмила Захаровна Зелинская — заведующая отделом социального обеспечения в городе Лиде, Мария Федоровна Потряскова — старший инспектор... К ним идут поделиться болью и радостью, надеждой и сомнением, приходят просто услышать доброе слово. У них нет неприемных часов, нет регламента на беседы. Они часто сами навещают своих друзей — не клиентов, не подопечных, а именно друзей. Узнают об их нуждах, справляются о здоровье, помогают искренне и охотно.

...Евдокия Исаковна Спродченко приехала в Лиду из другого города. Зашла в собес и в разговоре упомянула о погибшем сыне.

— А какую вам пенсию за него назначили? — поинтересовалась Людмила Захаровна.

— Никакой, — ответила женщина. — Фамилии у нас разные, вот и концов не найдешь...

Зелинская и Потряскова «нашли концы». Спродченко была глубоко расстроена, когда ее пригласили в горсобес и сказали, что пенсия ей установлена, и, кроме того, она

может получить деньги и за минувший год.

...Инвалиду первой группы Анатолию Васильевичу Изергину горсобес помог построить дом, Елизавете Михайловне Голотовой и Нине Степановне Бейзаровой — оформить персональные пенсии, Ивану Петровичу Федотову дважды в течение нескольких месяцев (этого требовало состояние здоровья) — поехать в санатории...

Инвалидов Великой Отечественной войны в Лиде опекают предприятия города, учащиеся школ, техникумов, училищ, вся общественность. Иначе тут и не мыслится. Не умеют по-другому и учат не уметь.

Рождаются традиции. Над семьями погибших воинов, над инвалидами шефствуют заводы, колхозы, вузы. Особенно важным представляется шефство школьников: ведь, кроме того добра, что они приносят людям, здесь велика и роль воспитательная.

Ученики Иканской школы в Борисовском районе посадили на школьной усадьбе деревья и к каждому прикрепили табличку, указывающую, что дерево посажено в память о погибшем земляке или бойце, отдавшем жизнь в этих местах. В самой школе — опять же усилиями ребят — создан музей. Двадцать три тимуровские команды постоянно помогают людям, пострадавшим от войны. Надо ли напилить и наколоть дров, заготовить сена корове, управиться в огороде — на все у ребят хватает и времени, и желания, и ответственности...

Решено в каждой области Белоруссии построить пансионаты для инвалидов войны; обсуждается предложение создать специальную службу повседневной помощи одиноким инвалидам, ветеранам войны.

...Мы в неоплатном долгу перед людьми, завоевавшими Победу, и должны стремиться как можно полней оплатить этот долг.

Ветеран войны М. А. Роменская с юными куйбышевцами.

ны рассказы передовиков об их работе, стихи, нашлось место и воспоминаниям о годах войны и советам учено-биолога.

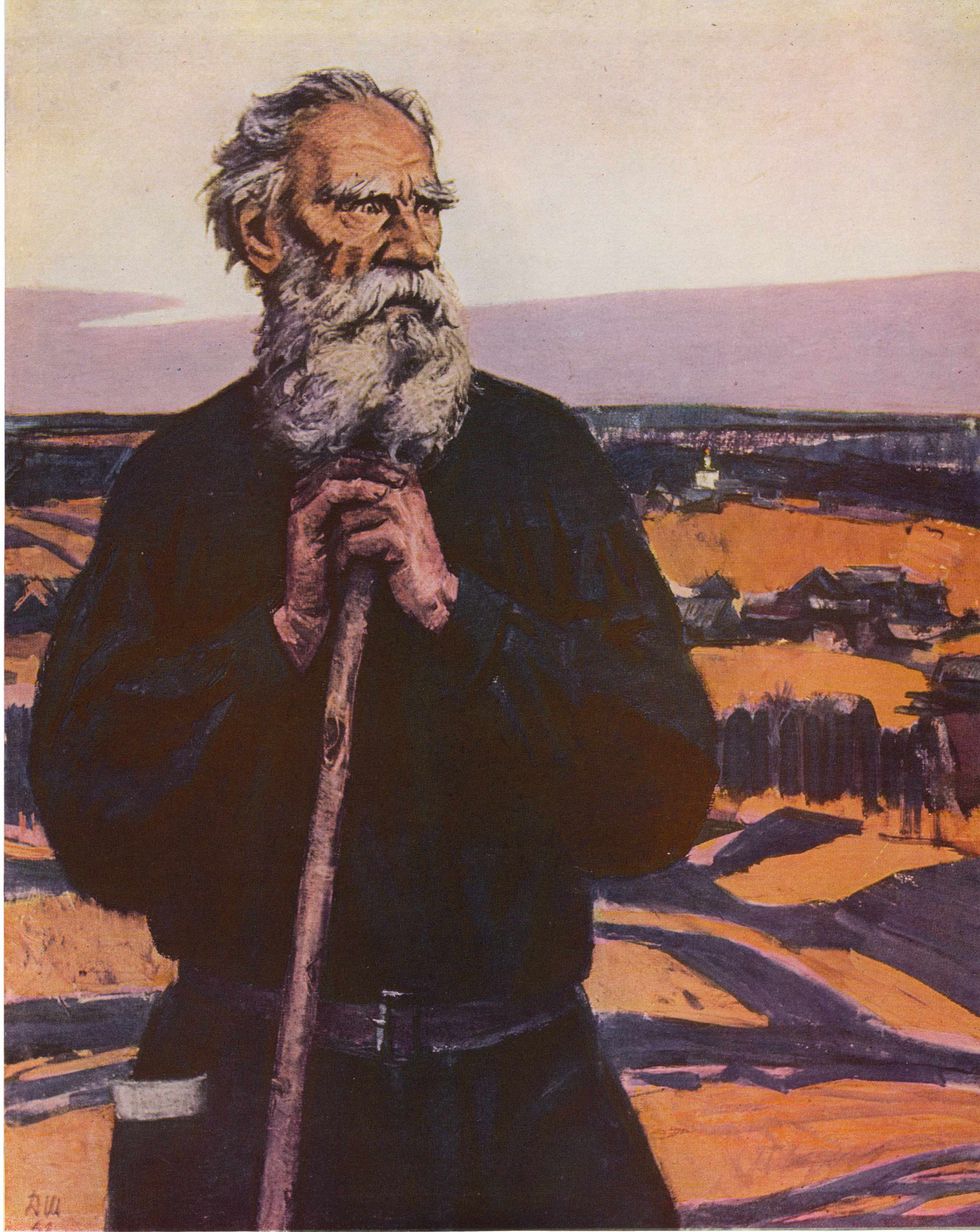
Позже, когда вечер окончился, в фойе долго шли веселые споры: одни говорили, что самое большое впечатление произвело на них приветствие ребятшек из детского сада «Тополек», а другие — необычное выступление Т. А. Пономаревой, которая неожиданно для всех взяла гитару и спела несколько песен. Третьих очень тронули слова студентки Запорожского медицинского института Дагер Фади Ибрагим, которая пришла на вечер вместе со своими однокашницами, девушками из многих стран мира.

— У нас в Ливане, — сказала Дагер Фади Ибрагим, — отмечают праздники мамы. Но у вас подобные праздники масштабнее, теплее. Я третий год учусь в Советском Союзе, замечательной, гостеприимной стране, и мечтаю, чтобы когда-нибудь и на моей родине было так, как у вас...

Пока участники вечера делились впечатлениями, организаторы его оживленно обсуждали «накладку»: пришлось буквально на ходу кое-что перестроить. Дело в том, что дипломы «Мастер — золотые руки» вручались вместе с сувенирами «со значением»: пекарю — пышный каравай, учительнице — книжка, телефонистке — именной телефонный аппарат. Дояркам предназначались живые пети — пусть, мол, они вас будят на заре, к первой дойке! Но кто-то усомнился: на фермах-то сейчас сплошная механизация, а мы людей на петушиный крик ориентируем... Спорный вопрос решили в пользу современности — подарили животноводам электронные будильники с музыкой.

М. МУРЗИНА,
заведующая отделом газеты
«Индустриальное Запорожье»

Куйбышевский район,
Запорожской области.

Д. Шмаринов. Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1962.

Государственный литературный музей Л. Н. Толстого.

Д. Шмаринов. Фронтиспис к трагедии В. Шекспира «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА». 1959.

Государственный Русский музей.

Читатель продолжает разговор

«Есть о чем подумать» — так называлась статья С. Высоцкого в № 3 нашего журнала. Автор призывал читателей задуматься над судьбами трех людей.

...Николай — человек, не однажды преступивший закон, не однажды наказанный, но только сейчас, когда ему исполнилось тридцать лет, задумавшийся над своей непутевой жизнью. «Может, я на мелочах выигрываю, а в большом проигрываю», — не столько спрашивает, а скорее утверждает теперь Николай. Он ищет причины, оправдывающие его преступно погубленную молодость, и тут же как бы спохватывается: «А ведь, если по-честному, виноват сам».

И еще одна судьба... Судьба человека, одержимого болезненной страстью к накопительству, которая привела его к конфликту с близкими людьми.

А. Борисов — третий герой упоминаемой статьи. Его судьба тоже сложилась не просто. Любовь к «сладкой» жизни завела его, как и Николая, на скользкую тропу преступного мира. Но, на его счастье, уже в штрафном изоляторе, частым гостем которого он стал, Борисову встретился человек, Человек с большой буквы. Он почувствовал в паренке хорошее, доброе, заставил его поверить в свои силы, вырваться из трясины. Отбыв наказание, Борисов начал честную жизнь. А своего первенца они с женой назвали именем этого человека — Геннадий.

Три человека, три жизни. Почему они сложились так, а не иначе? Кто виноват в несчастьях этих людей: семья, окружающие или они сами? Как расценить открытые признания, содержащиеся в этих письмах? С этими вопросами обратился автор к читателям. И они живо откликнулись на этот призыв. Редакция получила множество писем, полных сочувствия и возмущения, понимания и негодования, человеческой боли и готовности помочь, понять эту боль. Многие читатели рассказывают о себе, о своей судьбе, говорят о своем понимании нравственного и духовного мира человека, поднимают и обсуждают житейские проблемы.

Сегодня мы публикуем выдержки из некоторых полученных редакцией писем и приглашаем читателей продолжить этот разговор.

✱

Что могу сказать я, семнадцатилетняя девчонка? Жизненного опыта у меня мало, но я хочу, чтобы Николай поверил, что есть на земле люди, равнодушные к чужой человеческой боли.

Николай рано узнал много плохого, ненужного, утерять вкус к жизни, разочаровался в ней. Он считает, что уже ничто не сможет потрясти, взволновать, удивить его. Беда его в том, что в тридцать лет ему приходится пить горечь раскаяния за свое «я делал все, что хотел», за разочарование в том, что еще не успел познать, за равнодушные и неспособность чем-либо увлечься. А в мире существуют такие понятия, как природа, искусство. Как радостно открывать что-то новое в себе, когда видишь закаты, слышишь ропот берез, когда тянет ручки невинный малыш, когда слушаешь Чайковского или читаешь Есенина.

Не прав Николай, говоря: «Произошло непоправимое, жизнь завалила...» Это он сам шагнул в пропасть, «обнаглел, охамел и стал плевать на всех». А жизнь (строгий судья) внесла свою неумолимую поправку: «Лежи на тюремных нарах и болтай сам с собой». Я думаю, что именно сейчас в Николае вновь возродилось чувство любви к жизни, которую радостно ощущать во всем: в добром взгляде прохожего, в смешной пляске озябшего воробья возле крошек, в усталости после рабочего дня. Николай не лишний человек. И это он поймет. Одно — жить в обществе и не видеть ни одного человека, другое — жить в изоляции среди людей.

Николай! Зачем закрываться под панцирь, прятаться от людей и от самого себя, как улитка? Оглянитесь вокруг, как много добра и сколько счастья! Просто все это нужно уметь видеть.

Р. Шайнурова.

г. Губаха.

✱

Ваша статья очень поучительна и разумна. Мы все в ответе за духовную чистоту нашей молодежи.

Бывают случаи, когда молодой человек не в состоянии найти себя. Он нуждается в поддержке, добром совете, ищет помощи, а мы проходим стороной и не замечаем этого человека. В результате он оказывается на скользкой дорожке. А. Борисову очень по-

ЕСТЬ О ЧЕМ ПОДУМАТЬ

везло, хотя немного с опозданием, что все же нашлась добрая душа и направила его на достойный жизненный путь. Внимание и заботу старших молодой человек должен чувствовать постоянно, иначе он может оказаться в изоляции и погибнуть. Само название статьи говорит о том, что нам всем есть о чем подумать. Эти слова вызывают к нашему чувству справедливости, доброты, призывают всех нас спасти потерпевших крушение в жизни, заставить их свернуть со скользкого пути. Я очень интересуюсь жизнью и внутренним миром нашей молодежи. Мне хочется, чтобы она была еще прекраснее, трудолюбивее, чище душою.

И. Васильев, колхозник.

Ставропольский край.

✱

Решил написать вам о себе и о человеке, указавшем мне пра-

вильную дорогу в жизнь. Но сначала все по порядку. В 1972 году я окончил восьмилетнюю школу, окончил неплохо. Родители настаивали на дальнейшей учебе, но я избрал другой путь. Поступил в ГПТУ в ближайшем городе. За время учебы в училище я как-то постепенно отбился от дома, от родительских рук. В 16 лет попал в «болото» преступного мира. У меня появились «друзья», люди, уже познавшие, что такое лишение свободы, и даже не один раз. Моим каждодневным занятием стали выпивки и драки. Получив специальность, уехал из города в деревню к родителям. Устроился на работу, появились свои деньги. А страсть моя к спиртному, к дракам все росла. Из-за этого ссорился с родителями, уходил из дома. Старые «друзья» частенько меня навещали. Несколько раз я пытался бросить их, но ничего не получалось. В конце концов «подвиги» привели меня на скамью подсудимых. Но... в августе 1974 года я встретил девушку, молодую учительницу, в которую впервые в жизни по-настоящему влюбился, она ответила взаимностью. Вот она-то и сыграла в моей судьбе огромную роль. Она решительно взялась меня перевоспитывать. А я к этому сначала относился со смешком, ехидством и даже, бывало, обижал ее. Но постепенно мои взгляды на жизнь стали меняться. Незаметно для себя я отдалялся от своих «друзей»-субутильников. За это они меня стали

сверстников с жизнью сегодняшнего поколения и сделал вывод, что наша молодежь в чем-то непозволительно разболталась. Конечно, не вся молодежь, а отдельные личности. Не разбираясь в вопросах жизни, они тянутся к современности, вернее, к ее чисто внешним атрибутам, не заботясь о своем внутреннем, духовном багаже. А когда поскользываются, то обвиняют всех и вся: родителей, улицу, школу; находят разные предлоги — то им скучно, то нечем заняться. А так ли в действительности?

Я не молод, прожил 72 года. На своем веку был, как говорят, «на коне и под конем» и никогда не соглашусь на эти доводы.

Для контраста расскажу о своем поколении. В одном из сел украинского Полесья нас, сверстников до 16 лет, было человек тридцать. Все были разными по характеру, по материальному положению и образованию. Однако все мои одноклассники со своего жизненного пути не сбились, не сблизилась потому, что с детства познали радость труда и цену хлеба.

Остановлюсь на своей семье. Отец был сам-восьмой, земли до революции была десятина, на которой, хоть и удобной, хоть нет, росла одна поляна. В 12 лет меня отдали в батраки, я пас стадо. Хотя пастушья работа, особенно для подростков, не из легких, но она приносила радость — чувствовал, что вносишь в семейный бюджет свою долю. И так в каждой семье. Основой воспитания был труд. Потому и стали мы сильными, трудолюбивыми, ценили труд родителей.

Труд — аксиома жизни и ее измеритель.

Ветеран труда.

Казань.

✱

Статья «Есть о чем подумать» очень взволновала меня. Я поняла, что это начало биографии моего сына.

Борису шестнадцать лет. Он закончил восемь классов и поступил в техникум. Техникум посещает по настроению, учится плохо, еле сдал сессию. Стал пить, приходит поздно домой. Вы думаете, мы с мужем мер не принимали? Все было, и по-хорошему и по-плохому. 12 января напился, попал в милицию. Ведь эта дорожка, по которой он идет, очень скользкая и может плохо оборваться. Нас он уже совершенно не признает. Говорим, чтоб куда не ходил, — собирается и молча уходит. Дает обещания, что больше не будет, но проходят два-три дня, и все начинается сначала. Посоветуйте, как быть. Я по его вине четыре месяца была на больничном, но даже это его не обдумало.

Дорогая редакция! Может, я сумбурно написала, сами понимаете, я мать, я волнуюсь за судьбу сына. В тот день, когда мы получили ваш журнал, мы с сыном поссорились из-за техникума. Борис грубил, и отец выгнал его из дома. Но прежде сказал ему, чтобы он прочел эту статью. Сыном прочел, но вывода не сделал. Мы очень переживаем, и нам стыдно, что у нас, уважаемых в городе людей, вырос такой подонки (я не боюсь этого слова, потому что он его заслуживает).

А. С.

Мичуринск.

ненавидеть, а когда у нас с любимой бывали маленькие ссоры, «друзья» этому радовались и в эти моменты старались меня снова затаскать в свое «болото». Но у них ничего не получилось. Я стал чаще бывать в кино, на танцах, старался аккуратней одеваться, а ведь раньше я, как говорится, «работал» под хиппи. В общем, с помощью ее, теперь моей супруги, я был вытаскен из «болота» преступного мира. Я очень благодарен ей за то, что она не бросила меня, а помогла выбраться из грязи. И я стараюсь ей отплатить за это только добром. В настоящее время я служу в рядах Советской Армии. Дома у меня растет дочка, они с нетерпением ждут моего возвращения домой.

Валерий.

Алтайский край.

✱

Прочитав вашу статью, сравнил прожитую жизнь свою и своих

ВETERАНЫ ВСПОМИН

День Победы над фашистской Германией — великий праздник всего советского народа. С особым чувством его отмечают ветераны, те, кто с оружием в руках защищал Родину, водрузил алое знамя на рейхстаге. Ветераны вспоминают свои боевые дела, фронтовых товарищей.

«Если можно, опубликуйте этот снимок ко Дню Победы, — просит бывший адъютант 3-й эскадрильи 523-го истребительного авиационного Оршанского Краснознаменного, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского полка Ф. А. Асташонков. — Он сделан в победном мае сорок пятого на полевом немецком аэродроме Ноенсдорф. Здесь войска 3-го Белорусского фронта захватили восемьдесят шесть «фокке-вульфов-190». На одном из них и сфотографировались наши летчики. Командир 2-й эскадрильи Саша Сморгнов вскопал на хвост фашистского истребителя и, воздев руки к небу, воскликнул: «Ура! Мы победили!»
Однополчане, посмотрите на этот снимок и отзовитесь».

Детский поисковый клуб «Пламя» Тимирязевского района Москвы разыскивает юного гвардейца и просит «Огонек» опубликовать его фотографию. Известно, что мальчик пристал к воинской части во время сражения на Курской дуге. Вместе с 362-й стрелковой дивизией вошел в Германию и в городе Веймаре встретил День Победы. Здесь юный гвардеец и сфотографировался перед отправкой на учебу в суворовское училище. «Может, откликнется на это письмо сам ветеран, бывший юный гвардеец, или его однополчане, или те, кто знал его по военной службе в мирное время», — пишет П. Сидоров из клуба «Пламя».

Юный гвардеец.

На поверженном «фокке-вульфе-190».

«В канун праздника Победы вспомнил я о Великой Отечественной войне, и это заставило меня обратиться в «Огонек», — пишет ветеран Владимир Васильевич Лапин из села Красного, Крымской области. — Я служил в танковой роте, которая входила в Северный оборонительный район Северного флота Советского Заполярья. Был командиром танка с 1941 по 1943 год. Наше подразделение не однажды производило танковую разведку на полуострове Рыбачьем. В один из снежных дней корреспондент из журнала «Огонек» заснял нас на переднем крае. Фотография была помещена на обложке журнала. На ней старший лейтенант П. Печенин (вскоре погиб), сержант П. Л. Крутов и я. В конце войны мне подарили эту заветную обложку. Она была уже довольно сильно истрепанная. Я ее бережно хранил все эти годы. Но теперь она уже совсем пришла в негодность. Обрывки этой дорогой для меня обложки посылаю вам, как ориентир. Очень прошу, может, установите, в каком номере была эта фотография опубликована и где бы достать этот «Огонек», он будет мне очень дорог как воспоминание о моих товарищах, с которыми приходилось делить и горе и радость, о тех, кто отдал жизнь за Родину, и о тех, кто остался жив».

Четвертая обложка журнала «Огонек» № 3 за 1942 год. Подпись под фотографией: «Крайний Север. Полуостров Рыбачий. Танкисты Н-ской части в разведке». Фото Г. Зельмы.

«В 1942 году был проведен первый набор девушек в Ленинградское военное училище связи, — рассказывает Нина Алексеевна Ермилова (бывшая Капитанова). — Создали две роты — технического состава и строевых командиров. Я посылаю фотографию, сделанную перед выпуском из училища в 1943 году в г. Уральске (училище было эвакуировано туда из Ленинграда). В центре фотографии подполковник Лавров — начальник училища, начальник политотдела училища и ведущие преподаватели, наш командир взвода Сережа Жирнов и командир роты Федосов. Может быть, увидев эту фотографию в «Огоньке», девушки-курсанты найдут друг друга. Конечно, не все, ведь многие погибли на фронте. Хорошо бы встретиться в городе Уральске в стенах бывшего нашего училища, а ныне пединститута.
Очень прошу, помогите отыскать этих замечательных девчат. Мой адрес: поселок Запрудня, Московской области, ГПТУ № 48».

Участник Великой Отечественной войны учитель из Воронежа И. А. Сало пишет: «Красные следопыты Красномоло-

АЮТ...

товской восьмилетней и Михайловской средней школ, Кантемировского района, Воронежской области, изучают боевой путь 3-й танковой армии, освобождавшей их местность от фашистов в январе 1943 года. Они нашли фотографию трех гвардейцев-танкистов. Красным следопытам удалось установить личность только одного — Героя Советского Союза, гвардии капитана Дмитрия Сергеевича Фаламеева. Он командовал взводом танковой разведки 106-й танковой бригады 12-го танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии. Золотую звезду Героя получил за смелые действия при освобождении села Михайловна, совхозов «Красный молот», имени Капенкина, за геройское ведение уличных боев в городе Россошь, Воронежской области. Сейчас его уже нет в живых. Ктр два товарища героя, установить не удалось. Может быть, они живы и, прочитав это письмо, отзовутся.

«Кавалеры ордена Славы II и III степеней М. Голомозда и М. Ерохин — пришлите весточку о себе!» — просит ветеран Николай Дмитриевич Ткаченко. «В декабре 1943 года мы готовились к наступлению, — вспоминает Николай Дмитриевич. — На окраине села Знаменки, Кировоградской области, в одном доме, где мы были временно расквартированы, находились и разведчики. Как-

фронтом командовал И. С. Ко-нев.

А пятого января 1944 года после двухчасовой артиллерийской подготовки мы перешли в наступление. В этом бою я был ранен и после излечения попал в другую часть. И, уже будучи на Прибалтийском фронте, увидел в журнале фотографию своих знакомых разведчиков Михаила Голомозду и Михаила Ерохина. Ту фотографию вырезал и вот храню ее 32 года. А живы ли разведчики, как сложилась их судьба, узнать не смог. А так бы хотелось получить о них известия в победный майский день».

Три капитана-танкиста. Крайний справа — Герой Советского Союза Дмитрий Сергеевич Фаламеев.

«Только в нашем селе не вернулись с фронта сто четыре человека, — рассказывают красные следопыты Многоцветинской восьмилетней школы, Красноармейского района, Кокчетавской области. — В нашей школе создан «Уголок боевой славы». Мы собираем материал об односельчанах, участниках Великой Отечественной войны. Один из них, Василий Иванович Головкин, до войны работал вторым секретарем райкома комсомола, затем по комсомольской путевке уехал в город Балхаш на строительство медеплавильного завода. Оттуда был призван в ряды Крас-

нополчане Василия Ивановича Головкин, напишите нам по адресу: 476030, Кокчетавская область, Красноармейский район, село Многоцветное. Восьмилетняя школа. Отряд красных следопытов. Поздравляем всех вас с праздником Победы».

Поздравляет своих однополчан и ветеран Яков Петрович Богомольный. Он пишет: «Недавно мы, бывшие воины 13-й Киевской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова артиллерийской дивизии прорыва резерва Верховного главноко-

Кавалеры ордена Славы II и III степеней, разведчики М. Голомозда и М. Ерохин.

матического театра города Тамбова. Крайний справа я, тогда командир батареи. После войны окончил Одесский инженерно-строительный институт, работаю начальником отдела капитального строительства Минлепрома МССР. С праздником, боевые друзья!»

Василий Иванович Головкин.

мандования, встретились и сфотографировались точно так, как в мае 1945 года. Посылаю вам обе фотографии. В первом ряду — наш воспитанник Коля Шейченко, теперь летчик Аэрофлота; связистка Галина Молокова, ныне завуч средней школы в Челябинске; крайний справа — разведчик Василий Александрович Колесниченко — старший преподаватель Винницкого пединститута, кандидат исторических наук. Во втором ряду слева — Лева Лисевич. Это наш армейский разведчик, теперь мастер цеха казанского химического завода. В центре — топограф и радист Михаил Трофимович Жуковский, в настоящее время актер и режиссер-постановщик Дра-

«...И сфотографировались точно так, как в мае 1945 года». Фото Я. Богомольного

Девушки-курсанты Ленинградского военного училища связи с командирами и преподавателями.

дую ночь они уходили на задание. Помню, однажды утром, вернувшись из разведки, они принесли на руках своего убитого любимого командира (фамилию не помню). Похоронили его под вишней у дома хозяйки на окраине села. В канун Нового, 1944 года разведчики пришли с задания довольные, сказали: «Есть ценный «язык» для штаба фронта». Нашим

ной Армии. Затем учеба и фронт. Нам удалось разыскать несколько его писем с фронта, в которых Василий Иванович пишет, что враг непременно будет разбит, чтобы все верили в нашу победу над врагом. Дата последнего письма 27/1 42 года. Воевал Василий Иванович в 697-м стрелковом полку — 1-й батальон, 2-я рота.

**В. ВИКТОРОВ,
О. СПАСКИЙ,
фото А. БОЧНИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

После случайного, как тогда казалось, поражения нашей команды в первой встрече со шведской сборной мы долго не могли найти заголовка для своего репортажа. И, еще не зная исхода чемпионата мира, пришли к выводу, что чем бы он ни закончился, все равно победит хоккей. И мы не ошиблись, озаглавив репортаж именно так: «Побеждает хоккей!». Но — что скрывать! — надеялись, что, несмотря на неожиданную для всех неудачу всеобщего фаворита — команды СССР, чемпионом мира снова станет именно она. Мало ли чего не бывает в борьбе на таком высоком уровне! Но, увы, ни один из пятисот журналистов, съехавшихся в Вену, не смог предвидеть расположения команд в турнирной таблице после последней игры 8 мая.

Перед чемпионатом, еще проходя аккредитацию, каждый журналист получал право до 8 часов вечера 21 апреля, то есть до начала первенства, угадать, в каком порядке финишируют команды. Руководство пресс-центра, устраившее этот опрос, предусмотрело, казалось бы, все. В частности, было оговорено, что если несколько журналистов выскажут точный прогноз, то победитель будет определен с помощью лотереи. Лотерея не понадобилась. Ни один журналист, а среди них были опытные хоккейные обозреватели, побывавшие на двух десятках чемпионатов, истинного исхода турнира предвидеть не смог. Все были единогласны лишь в одном: сборная Советского Союза ниже второго места не опустится. Ведь прошло шестнадцать лет со времени швейцарского чемпионата, когда наша команда, только выходящая на мировую арену, заняла третье место. Кто мог предвидеть, что четырнадцатикратные чемпионы мира, победители четырех Олимпиад, будут возвращаться домой с бронзовыми медалями?

В смысле крутых сюжетных поворотов венский чемпионат оказался поистине рекордным. Могли ли предполагать канадцы, выиграв у чехословацкой сборной в последний день первенства и открыв, казалось бы, нам дорогу к высшей ступеньке пьедестала почета, что уедут домой, оказавшись лишь четвертыми? Могли ли шведы после своих поражений в финальной пультке и от канадской и от чехословацкой команд надеяться на то, что окажутся вторыми — так же, как и десять лет назад на этом льду? Могли ли хоккеисты Чехословакии, потерпев сокрушительную неудачу в последний день, рассчитывать на то, что через три часа после этого будут поздравлять друг друга с чемпионскими званиями?

Ну, а мы? Кто сомневался в том, что наша команда, вдохновленная открывшейся для нее перспективой, возьмет реванш за свое первое поражение у шведов?

Много можно поставить вопросительных знаков за финишной чертой венского чемпионата, но, расставив эти знаки, мы пришли к выводу, что исход первенства мира если и случаен, то случайность эта закономерна. Именно закономерна! Если отбросить все привходящие обстоятельства, просеять факты и наблюдения через сито беспристрастного анализа, подобный парадокс окажется вполне логичным.

На чемпионате мира в Вене мы видели две команды, выступавшие за сборную СССР. Одна из них блестяще сокрушала всех своих соперников в первых шести матчах, другая, потерпев две досадных неудачи кряду, возродила надежды поверженных.

В связи с первым поражением Алан Иглсон, руководивший в Вене командой Канады, немедленно сообщил в пресс-центр, что поскольку поражение сборной СССР от «Тре Крунур» открывает его команде новые возможности для борьбы за титул чемпиона мира, то канадцы в целях лучшей подготовки к оставшимся матчам переезжают в другую, более спокойную гостиницу.

Действительно, два поражения главного фаворита турнира невероятно обострили ситуацию на льду «Штадтхалле» и взвинтили интерес к чемпионату.

В чем же дело, почему наша команда вдруг проиграла два ключевых матча, а затем уступила и в решающем поединке? Именно «вдруг», ведь первая половина турнира не оставляла решительных никаких сомнений в том, что советские хоккеисты значительно сильнее всех остальных.

Разумеется, самый точный ответ могут дать только тренеры, постоянно контролирующие пульс команды и чувствующие малейшие

Чехословацкая сборная — чемпион мира 1977 года.

признаки его отклонения от нормы. Мы же можем рискнуть поделиться лишь своими субъективными наблюдениями.

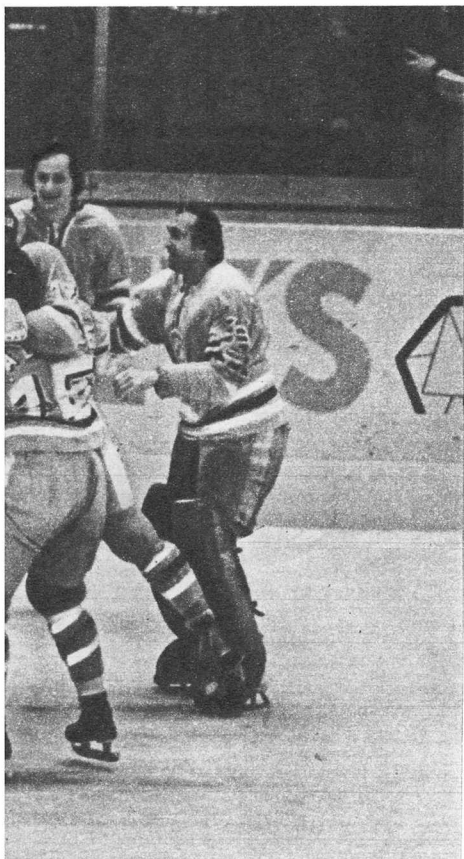
В первом своем репортаже мы высказывали опасение по поводу надежности нашей обороны, сомнения в правомерности выбора нападающих. Теперь ясно, что эти опасения имели под собой почву. В первых матчах с командами Чехословакии и Канады наши защитники действовали достаточно надежно и в ворота Владислава Третьяка было забито всего по одному голу. Но вот настал черед матча со шведской сборной, и мы увидели, что в нашей команде не все благополучно. И это неблагоприятно, видимо, возникло еще в то время, когда команда формировалась.

Когда после первой победы над сборной СССР молодого шведского тренера на пресс-конференции спросили, в чем секрет его тактики, примененной в борьбе со столь грозным соперником, как советская сборная, он улыбнулся и ответил, что раскроет свой секрет после второго матча. После второго матча, решившего судьбу чемпионата мира, журналисты напомнили тренеру о его обещании, и он снова улыбнулся и снова ответил, что расскажет о своем секрете после третьего матча.

Когда состоится этот третий матч, мы не знаем, но знаем, что шведский секрет общеизвестен. Он заключается в гармоничной слаженности в игре, в дружных действиях защитников и нападающих, в том, что в нападении шведы получили такого прекрасного лидера, как Роланд Эрикссон, ныне выступающего в профессиональной команде и приехавшего поддержать усилия своих молодых товарищей, а защиту спланировал и делал непробиваемой замечательный вратарь Гёран Хегюста, признанный лучшим голкипером чемпионата. В шведской команде оказалось очень немного слабых мест, и ее игроки были, видимо, действительно особо подготовлены к борьбе с лидерами первенства — хоккеистами СССР.

Теперь надо признать, что и первое и второе поражения, понесенные нашей командой от шведов, не были случайны, тем более, что и в неудачной игре с хоккеистами Чехословакии наша оборона дала трещину. Защитники, как говорят в хоккее, стали «проваливаться», они, увлекаясь поддержкой нападающих, не успевали вернуться назад, плохо подстраховывали друг друга, допускали серьезные ошибки на «пятячке» у своих ворот и — случилось — отдавали шайбу прямо на клюшку соперни-

ЗАКОНОМЕРНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Играют сборные СССР и Швеции. В воротах — Гёран Хегюста.

ка, находящегося на удобной для броска позиции. При такой ситуации даже Владислав Третьяк оказывался беспомощным.

Разумеется, не только мы, журналисты, замечали промахи защитников сборной СССР. Видели эти ошибки и тренеры команды, вот почему надолго усаживались на скамью запасных Сергей Бабинов и Александр Гусев, вместе с Геннадием Цыганковым начинал играть Владимир Лутченко, и были моменты, когда команда выступала уже не тремя, а лишь двумя парами защитников.

Так складывался первый матч со шведской сборной, так неудачно действовали игроки обороны нашей команды и в борьбе с чехословацкими хоккеистами. Даже самые опытные защитники, такие как Валерий Васильев, Геннадий Цыганков и Владимир Лутченко, допускали грубейшие тактические просчеты. В трех неудачно сложившихся для нас матчах более половины шайб были забиты в ворота Третьяка уже после того, как он парировал удары. Просто чехословацкие и шведские форварды успевали к шайбе раньше наших защитников. И особенно тревожно то, что много шайб наша сборная пропустила во время игры первой, ведущей пятёрки.

После второго матча сборной СССР с «Тре Крунур» расстроенный тренер нашей команды Борис Кулагин сказал на пресс-конференции, что судьба чемпионата была в наших руках. Да, это было так, но для того, чтобы выиграть решающий матч, команде надо было показать свою игру, а сделать она этого не смогла, ей помешали отлично играющие шведские хоккеисты.

Наши хоккеисты и тренеры делали все возможное, чтобы переломить ход борьбы. Использовались всякие варианты троек, в ход были пущены молодые игроки. В предпоследнем — невероятно трудном — матче с командой Канады маститого Александра Гусева заменил юный армейский хоккеист Вячеслав Фетисов. И в тяжелом испытании он проявил себя быстрым, смелым и находчивым бойцом. Его появление на льду прозвучало как призыв к молодым защитникам: «Держайте, стремитесь к высотам мастерства, для вас дверь в сборную открыта настежь!» Но, увы, этот призыв, обращенный к будущему нашего хоккея, прозвучал только в Вене! Не будем забывать, что, кроме Фетисова, на чемпионате оказался еще только один молодой хоккеист — защитник Василий Первухин, ставший игроком основного состава и отлично проявивший себя в самые критические моменты. А что же нападающие? Кто в Вене мог помочь Якушеву или Харламову, Балдерису или Михайлову?

Многие наши нападающие не успевали на помощь защитникам, а в трех решающих встречах не справлялись и с выполнением своих прямых обязанностей — забивать голы.

Если наша команда с каждым днем чемпионата играла все труднее, то канадская сборная, которую в первые дни критиковали за то, что она приехала не подготовившись к такому ответственному

выступлению, сумела сплотиться и показать, что является серьезным противником. Ее победа в последний день первенства над сборной Чехословакии заслуживает самых высоких оценок. Но грубить, нарушать правила канадцы не переставали до последней минуты, и, честное слово, порой создавалось впечатление, что если их лишит возможности драться, продемонстрировать все приемы «грязного хоккея», то они и играть хорошо не смогут.

Дело дошло до того, что после их победы над чехословацкой сборной ее тренер заявил журналистам на пресс-конференции, что капитан канадцев знаменитый Фил Эспозито во время схватки у борта, за которым сидели запасные игроки и тренеры команды Чехословакии, ударил его по лицу. «Что же можно требовать от команды, игроки которой позволяют поднять руку на тренера», — сказал он. Но тренер канадцев сделал вид, что не понял заявления своего чехословацкого коллеги, никак не ответил на него и лишь сказал, что Эспозито хорошо провел этот трудный матч.

Все матчи финальной пульки были исключительно яркими, экспансивными, вызывающими огромный резонанс в переполненном зале Ледового дворца. Если в первые дни чемпионата его организаторы приглашали во дворец венских школьников для того, чтобы они создавали иллюзию заполненного зала и достаточно мощный звуковой фон, то в последние дни им этого не потребовалось. Дворец был переполнен, и в детских шумовых эффектах не было нужды. И ажиотаж, как это мы и предвидели, достиг своей кульминации в тот час, когда на лед вышли команды СССР и Швеции, а журналистам был роздан последний стартовый протокол под номером сорок. Мы не будем описывать хода этой встречи, она хорошо известна многочисленным

любителям хоккея и по телепередаче и по многочисленным газетным отчетам. Даже не победа, а лишь ничья давала нам золотые медали, но вничью окончился первый период, в то время как исход борьбы был решен во втором, когда в наши ворота были забиты одна за другой две шайбы. После этого еще один ничейный, третий период в счет не шел. И вот чехословацкие хоккеисты, за три часа до этого познавшие всю горечь поражения от канадцев, оказались первыми, шведы после своей убедительной победы над нашей командой получили серебряные медали, а мы — лишь бронзовые. Правда, нам был вручен еще и Кубок, но это был кубок за справедливую игру, почетный, однако не решающий распределения мест.

И все же хотя и вернулась наша команда из Вены без победы, но мы продолжаем считать, что хоккей победил. Хоккей победил, потому что теперь мы видим, какие задачи стоят перед нашими командами, мы надеемся, что теперь те, от кого зависит дальнейшее развитие этой прекрасной игры, поймут, что надо уметь смотреть правде в глаза и не считать каждое замечание чуть ли не оскорбительным выпадом.

На венском чемпионате на трибунах занимали места тренеры ведущих наших команд. Они внимательно и здраво следили за ходом событий и теперь, конечно же, спокойно продумают то, что им удалось заметить, чтобы дальше работать с молодежью, растить новых игроков, укреплять свежими силами нашу сборную.

Дел предстоит много, а там, глядишь, не за горами и новая встреча на высшем уровне, на сей раз дома у чемпионов мира — наших чехословацких друзей, которых мы поздравляем с большой победой, одержанной в Вене.

Вена — Москва.

Г. Карелина и И. Горбачев в спектакле «Пока бьется сердце».

Фото М. Смирнова

«Человека можно убить — не ракетой, не бомбой — зачем? Элементарной черствостью, хамством и безразличием к его судьбе! Может, в этом причина всего? Вот откуда все происходит! Вот почему не выдерживают сердца!.. А мы... Тысячи фармакологических средств... Тончайшие операции... А если это совершенно в другом? В нас? В человеке?»

Этими словами, обращенными в зрительный зал, начинается свою исповедь-раздумье герой спектакля ленинградского театра имени А. С. Пушкина «Пока бьется сердце» (постановка И. Горбачева, режиссер А. Сагальчик, художник Д. Лидер). Пьеса Д. Храбровицкого, так и построенная как рассказ хирурга Крымова (роль эту в спектакле пушкинцев исполняет Игорь Горбачев) о сложных и трагических событиях одного года, включает в себя несколько сюжетных линий, эскизные зарисовки, наброски отдельных характеров, которые подчинены единой теме спектакля. В центре спектакля — двое. Он — известный хирург Крымов. Она — поэт Майя Ольхина. Кратко история их отношений такова: он спас ей жизнь, сделав сложнейшую, новаторскую операцию на сердце. А затем они полюбили друг друга. Вернее, когда Ольхина открылась в своем чувстве Крымову, он, сочувствуя, сострадая ей, боясь причинить боль, ранить ее сердце, которому он продлил жизнь, к тому же, безусловно, увлеченный этой своеобразной женщиной, как бы позволил ей полюбить себя. Романтические отношения вне быта, вне будничных семейных забот, привычек, казалось бы, возвышали это чувство. Однако эта некая отстраненность друг от друга, как то, что Крымов принимал эту любовь как известный «довесок» к своей жизни, до предела заполненной работой и поисками в области хирургии сердца, лишила их отношения душевной теплоты и наполненности, сердечности. Человек, спасший сотни человеческих жизней, относящийся к своему делу с высочайших нравственных позиций, незаметно для себя погубил самое, как оказалось, дорогое ему сердце — сердце любимой. Дуэт Ольхиной (Г. Карелина) и Крымова (И. Горбачев) — хотя есть в драматургическом материале некоторая мелодраматичность и местами как бы нарочитая чувствительность — талантливо определяет высокий нравственный посыл всего спектакля.

Надо сказать, что с каждой новой постановкой все увереннее и глубже становится режиссерское мастерство И. Горбачева. Четкость в определении темы и сложная, многосторонняя разработка характеров даже в самых небольших ролях отмечают в данном случае спектакль «Пока бьется сердце».

Неизменный фон этого спектакля — высоко поднимающиеся скамьи клинической аудитории, где сидят люди в белых халатах... Это придает всей атмосфере спектакля возвышенность, не лишая каждый эпизод конкретности в определении места действия, времени его.

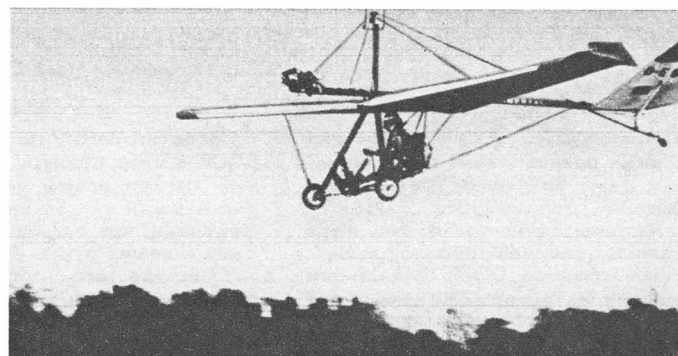
Через реакцию людей в белых халатах мы понимаем, что, например, происходит в данное время в операционной. Мы присоединяемся к их скорбному молчанию, когда поднимутся они, прощаясь с только что умершим директором института Бурцевым. В другом случае они как бы растворяются в ночи и, посверкивая неяркими фонариками, создадут для нас и для героев спектакля тишину осенней южной ночи.

Говоря об этом спектакле, нельзя не упомянуть В. Меркурьева, создавшего сложный характер директора института Бурцева, человека властного, талантливого и смелого; Н. Мамаеву в совсем маленькой роли Любы, сыгравшую запоминающийся женский характер, а также А. Борисова в роли Ивана Андреевича и А. Волгина — Чумакова.

Этим спектаклем ленинградский театр имени А. С. Пушкина продолжает страстный разговор о современнике, о людях наших дней, их сложных характерах. И о нетленности, вечности таких понятий, как любовь, счастье, благородство, гуманность в отношениях между людьми.

О. КИРИЛЛОВА

ПЕСТРЫЕ

летающее крыло

Западногерманский авиаконструктор Гельмут Вильден смастерил очень простой летательный аппарат. На своей машине Вильден совершил благополучный полет.

автопаровоз

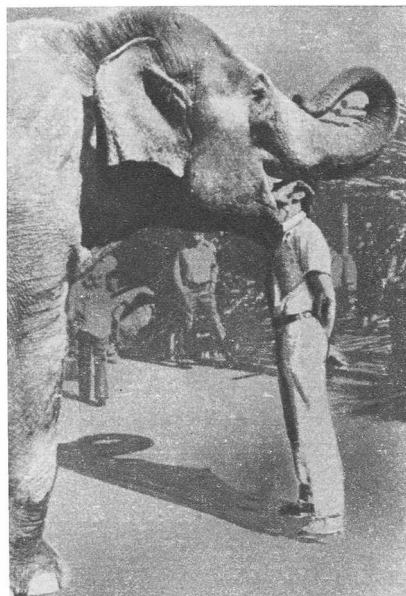
Перед вами легковой автомобиль с паровым двигателем, выпущенный в США. Изобретатели его надеются, что эта машина получит широкое применение в XXI веке.

СТРАНИЦЫ

прыжки на санях

В горах близ маленькой баварской деревни Гайссах (ФРГ) можно увидеть летающих саночников, которые соревнуются между собой на дальность прыжков с трамплина.

опасная задача

По мнению ветеринарного врача, работающего в зоопарке города Сан-Диего (США), самая трудная проблема — обследовать состояние зубов слона.

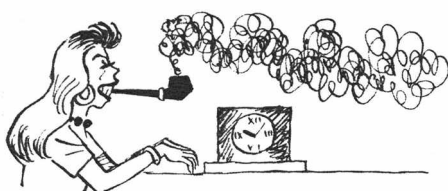
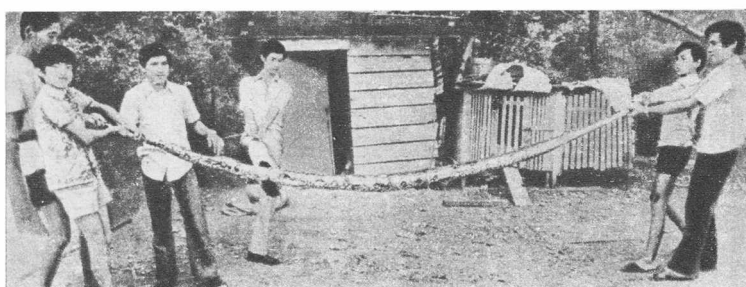
друзья

Ребята завидуют этому мальчугану. Еще бы! Он ведет на поводке барсука! Такую картину можно наблюдать в одном из парков Стокгольма.

вор

На одной из птицеферм под Сингапуром долгое время не могли обнаружить вора, укравшего всех кур. Не помогли ни засады, ни ловушки. И все-таки похититель был, наконец, пойман. Им оказался пятиметровый питон.

не сдаются

О вреде курения сказано и написано много. Но эти предостережения, к сожалению, действуют не на всех. Недавно в Риме состоялось первенство Италии по курению трубки среди женщин. Первое место заняла Вильма Андреотти. Трубка ее с двумя граммами табака дымилась 46 минут.

— Рукав вроде бы длинноват.
— Это пустяк, доплатите немножко.

— Алло! Мама! До одиннадцати они обоим клеили, а как магазин открылся, началась у них музыкальная пауза.

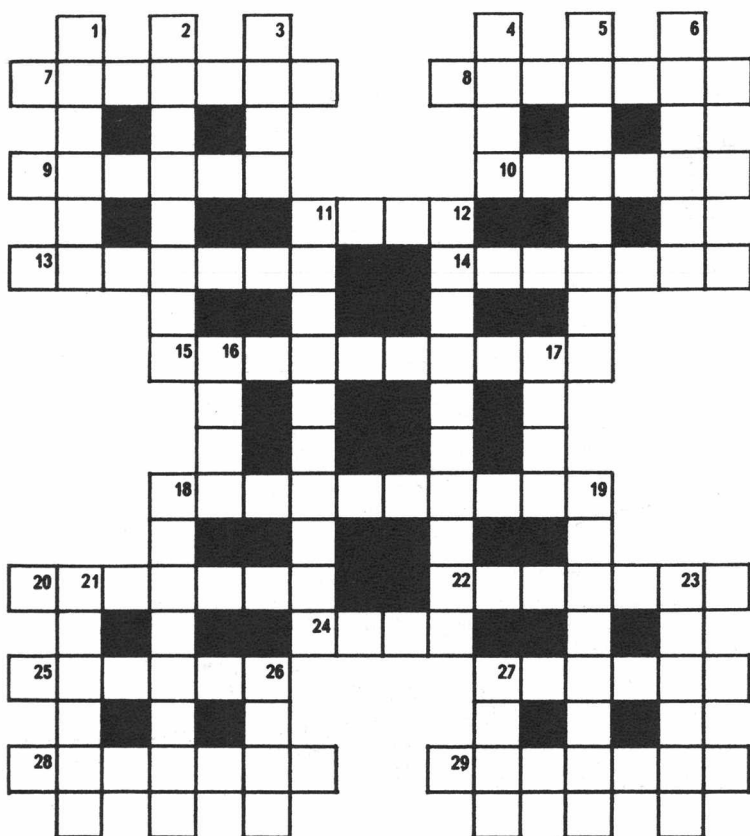

— Наш папа взялся готовить субботний обед.

К открытию туристического сезона.

Рисунки В. Воеводина

По горизонтали:

7. Танец. 8. Знаменитый русский певец. 9. Парусный военный корабль. 10. Школа, готовящая актеров, художников. 11. Навигационный ориентир. 13. Столица европейского государства. 14. Огородное растение. 15. Художник, работающий в определенном виде живописи. 18. Суп. 20. Вещество, используемое в технике и медицине. 22. Математическое положение, требующее доказательства. 24. Город в Румынии. 25. Нефтепродукт, применяемый для дорожных покрытий. 27. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 28. Разновидность фортепьяно. 29. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение».

По вертикали:

1. Советская писательница. 2. Звено механизма, преобразующее один вид движения в другой. 3. Низкий детский голос. 4. Порода комнатных собак. 5. Спортсмен-конькобежец. 6. Маскарадный костюм. 11. Предприятие по ремонту. 12. Ударный музыкальный инструмент. 16. Желтая минеральная краска. 17. Национальная женская одежда в Индии. 18. Консультант по определенным вопросам. 19. Атракцион. 21. Медная руда. 23. Декоративное растение, цветок. 26. Музыкальный интервал. 27. Административно-территориальная единица в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. Монография. 8. Комета. 10. Ретгушь. 12. Пролетка. 13. Бахча. 14. Индий. 15. Краковяк. 17. Штангенциркуль. 20. Клавесин. 23. Слива. 24. Осень. 25. Парусина. 27. Фанера. 28. Тритон. 29. Касабланка.

По вертикали:

1. Кострома. 2. Гамзатов. 4. Остап. 5. Ижора. 6. Несчастливцев. 7. Станиславский. 9. Отара. 11. Шпиль. 15. Канюк. 16. Кокон. 18. Колба. 19. Рондо. 21. Аэростат. 22. Сринагар. 25. Пачка. 26. Атрек.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Комсомолка Муродгуль Ашурова — воспитательница в детском саду колхоза имени Дзержинского, Пянджского района, Таджикской ССР.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Здесь будет створ Рогунской плотины.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 25/IV — 1977 г. А 00347. Подп. к печ. 10/V — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1238. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 460.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

1

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь...

РЯЗ

Пророческие слова об иной крепости принадлежат Сергею Есенину, великому русскому поэту и в то же время простому рязанскому парню. Всем сердцем верил он в «иную крепь» — иные времена, добрые для расцвета многих талантов, для появления многих новых замечательных имен.

Наступили эти времена. И принесли с собою то, о чем мечтал Есенин, — небывалый творческий размах народа.

Вот взгляните на артистов сегодняшней степной Руси: участники профессиональных и самодеятельных коллективов (они были гостями «Огонька» вместе с начальником областного Управления культуры А. Ф. Перепелкиной и работником обкома КПСС Н. А. Прилуцким) — все до единого рязанцы. Крылатая, мощная сила их дарования говорит сама за себя.

2

3

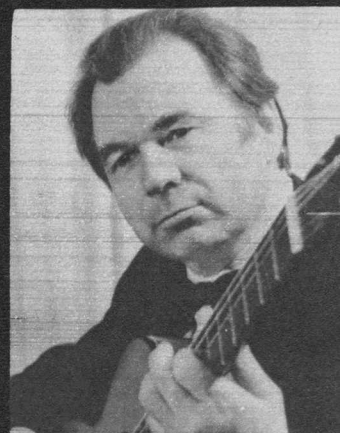
6

5

7

8

9

10

АДЬ ПОЕТ, РЯЗАНЬ ИГРАЕТ..

Фото М. САВИНА

4

- 1 Есенинскую песню исполняет трио вокального ансамбля «Рязаночка». А. Пронюшкина, Л. Зайцева и Р. Стадничук — работницы завода электронных приборов имени Ленинского комсомола.
- 2 Театр кукол приезжал с небольшой сценкой из спектакля «Чебурашка» (в исполнении Б. Фрайфельда и О. Кавуна).
- 3 «Характеры» В. Шукшина в исполнении артистов областного драмтеатра П. Александрова и А. Черных.
- 4 Солисты народного ансамбля танца Л. Ющенко и С. Прошина.
- 5 Сцена из спектакля Рязанского ТЮЗа «Поднятая целина»: Нагульнов — В. Петриев, Давыдов — Л. Митник.
- 6 А это дед Щукарь. Его замечательно играет артист И. Екатериничев.
- 7 Н. Семенова, артистка филармонии, поет «Весенние воды» С. Рахманинова.
- 8 Гитара — любимый инструмент заслуженного работника культуры РСФСР Т. Шишкина.
- 9 Второй профессией рабочего радиозавода В. Кузнецова стала пантомима.
- 10 Помощник машиниста депо Рязань П. Смысленов создает литературные пародии — это его призвание.

